

КАРЛ-ХАЙНЦ РОТ И ДРУГИЕ

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ПРОЛЕТАРИАТ
А**

Москва, 1999

ОБ АВТОРЕ

Карл-Хайнц Рот, в 1960-х годах - активист леворадикального Союза немецких студентов в Гамбурге, по праву считается одним из ведущих теоретиков «рабочей автономии». Эта концепция независимой классовой самоорганизации трудящихся появилась в Италии в 60-е гг. и стала известна под названием «операизма» (от итальянского «иль операйо» - «рабочий»), впоследствии она распространилась и в других странах. Политическая и экономическая теория «рабочей автономии» исходит из того, что рабочие, вынужденные работать на фабрике, создают там новые формы сопротивления против отчужденного труда, который они в принципе отвергают. Эти формы борьбы - стачка, хищение, саботаж, симуляция болезни и т. д. Согласно операистской теории кризисов, рабочие, уклоняясь от труда, требуя повышения зарплаты, вызывают кризис капитала. Капитал реагирует на сопротивление техническими нововведениями («технологическое наступление на класс») и пытается использовать недовольство как мотор для новшеств. Центральный исследовательский метод операизма - «боевое исследование»: рабочие опрашиваются действующими на фабрике активистами, чтобы получить информацию об их положении и понять его. Важным понятием является «классовая структура»: как строится рабочий класс, каким сознанием он обладает? Однако современный операистский анализ, сосредоточив внимание на трудовых отношениях, тем не менее, последовательно затрагивает и иные аспекты современного общества: макро- и микроэкономику, политику, социальную психологию.

Анализ Рота и операистские теории можно критиковать или защищать. Но важно отметить, что в отличие от автономных анархистов или «анархистов образа жизни», ассоциирующихся, прежде всего, с субкультурным гетто и отрицательным отношением к анализу и теории, и «марксистов-ленинцев» с их чудовищным авторитаризмом и фанатической верой в индустриально-прогрессистские мифы, операизм пытается (и это достойно поддержки) исследовать сегодняшние классовые отношения, отстаивая, в то же время, последовательно либертарные принципы. Можно утверждать, хотя и с существенными оговорками, что современная операистская практика и теоретический анализ продолжают традиции «коммунизма рабочих советов» и революционного синдикализма.

В 1974 г. К.Х.Рот опубликовал работу «Другое рабочее движение». Был одним из создателей журнала «Автономия» и «Гамбургского института социальной истории 20-го века». Свыше 20 лет работает врачом. Участвует во многих леворадикальных инициативах и проектах.

В 1993 г. Карл-Хайнц Рот впервые изложил свои тезисы о «возвращении пролетариата» («репролетаризации»). Тем самым Рот, который в предыдущие годы работал, прежде всего, как социально-революционный историк, вернулся к анализу нынешней ситуации. Текст обсуждался среди участников автономных и социально-революционных движений Германии, а также в традиционных социалистических течениях. Осенью 1994 г. появилась книга, в которой были собраны критические и дискуссионные отклики и подробнейший ответ Рота на критику.

В «Возвращении пролетариата» Рот констатировал «радикализацию капиталистических отношений во всем мире». Он выводил эту мысль из анализа ситуации в Мексике, Италии, Франции и Германии (после объединения). «Радикализация» проявляется в наступлении на гарантированные тарифными соглашениями и трудовым законодательством нормальные трудовые отношения, в распространении массовой безработице и бедности, в изменении структуры рабочего класса. Последние бастионы рабочих подточены, профсоюзы и социал-демократические партии, включая их «левое» крыло, не оказывают реальное сопротивление процессу реорганизации трудовых отношений в интересах капитала, а становятся его соучастниками. Центральным в анализе Рота является понятие «тойотизма» как новой системы трудовых отношений.

Рот призывает левых снова обратить главное внимание на «социальный вопрос» и процессы пролетаризации. Только так можно будет побороть растущий расизм и национализм среди самих трудящихся, поскольку «любая антирасистская инициатива, игнорирующая социальный вопрос и отказывающаяся тем самым от стратегической возможности опереться в принципе на все слои пролетариата, построена на песке».

Публикуемый нами текст является несколько сокращенным переводом ответа К.Х.Рота на замечания и мнения, высказанные в процессе дискуссии вокруг его доклада о «возвращении пролетариата». В нем дается всесторонний, глубокий и комплексный анализ нынешнего этапа существования индустриально-капиталистического общества, изменения методов организации производства и эксплуатации, а также новых тенденций в сознании и поведении трудящихся и потенциала их борьбы. Для лучшего понимания того, о чем пишет К.Х.Рот, да и всего глобального контекста современного капитализма мы снабдили текст многочисленными

поясняющими приложениями и примечаниями. Очень рекомендуем читать Рота вместе с этими материалами, поскольку иначе многие из высказанных мыслей, а в ряде случаев - даже сама постановка вопроса могут оказаться совершенно неожиданными и неясными для читателей на русском языке. Более того, мы рекомендуем читателям, прежде всего ознакомиться с приложениями, так как в них раскрываются центральные для Рота понятия: “тойотизм”, “фордизм-тейлоризм”, “социальное государство”, “государственный капитализм”, “новая самостоятельность труда”, “капитализм казино”, “флексбилизация”, “глобализация” и другие.

А, впрочем, поступайте как знаете!

Редакция

НОВЫЕ КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕВЫХ

Принципиальные соображения об изменении мировой капиталистической системы за последние 20 лет

Если мы окинем взором происшедшее за последние 20 лет, то вывод об эпохальном изменении мира за столь короткий промежуток времени, с точки зрения «снизу», отнюдь не покажется банальным. В конце 60-х - начале 70-х гг. борьба рабочих и социальные бунты ввергли капитализм во всех его вариантах - развивающихся режимов, «замкнутых торговых государств» Востока и зрелых метрополий - в системный кризис. Разнообразный и противоречивый по формам своего проявления, он привел повсюду к одному и тому же результату: бегству от фордистски-сверхрационального труда (1) и к борьбе против него. Этот великий отказ можно было измерить экономически в виде падения производительности труда, взрывного роста зарплат, неконтролируемой революции доходов снизу. «Расходы на рабочую силу» выросли во всем мире. Носителями бунта были, в основном, люди, для которых, в отличие от пролетарских поколений эры послевоенного восстановления, мало что значили обещания социальных гарантий, дававшиеся ориентированными на полную занятость «национальными экономическими системами». Это были молодые техники-рабочие и северно-южные мигранты в Италии, низовые активисты профсоюзов промышленности Японии и Южной Кореи, иностранные рабочие в ФРГ и во Франции, черные конвейерные рабочие Детройта, а также участники восстаний сельскохозяйственных рабочих и крестьянских бунтов Юго-Восточной Азии, пролетарии Чили, молодые рабочие на Востоке Центральной Европы. Все они породили «кризис»: кризис роста издержек, связанных со стоимостью рабочей силы, а также кризис веры в интегрирующую силу управляемых социальным государством структур модернизации и планирования. И не только среди слоев фордистски-централизованного рабочего класса, которые демонстрировали теперь свою непокорность. Нормы прибыли падали, процентные ставки все больше отставали от роста инфляции. То, о чем говорилось тогда в анализах операистских теоретиков, сегодня можно прочесть в различных эмпирических исследованиях экономистов; определенное место эта тема занимает и в публикациях так называемых теоретиков регулирования.

Однако благодаря этому вызову сложилась новая реальность: капитализм впервые в своей истории действительно начал охватывать весь Земной шар, пусть даже сфера «реального социализма» оставалась для него пока что закрытой. Эпохальная экспансия торговых потоков способствовала развитию товарных капиталов и «потребительского» типа поведения в самых отдаленных уголках планеты. За этим последовал взлет транснациональных фирм, которые или непосредственно экспортировали капиталы, или участвовали в создании «совместных предприятий» вне зон своего происхождения, и теперь уже развивающиеся страны также подключались к общей модели накопления. Одновременно началась аграрно-капиталистическая трансформация постколониальных территорий. Но прежде всего, приобрела международное значение финансовая сфера; она открыла новые денежные рынки вне тогдашних монетарных контрольных систем и взвинтила процентные ставки, «освободившись» от падающих уровней прибыли.

Началось контрнаступление капитала. Вначале оно совпало с некоторыми направлениями американской стратегии борьбы с повстанческими «национально-освободительными» движениями. А когда правительство США под давлением политико-экономических последствий «собственных» внутренних бунтов в 1971 г. отказалось от золотого паритета доллара и два года спустя во время нефтяного кризиса подало сигнал к установлению международной практики «гибких» валютных курсов, стало в общих чертах ясно, что планируется не только усмирение потенциально интернационализирующихся рабочих движений и социальных бунтов методами диктата высоких процентов и бюджетной стабилизации, но и изменение лежащих в их основе структур накопления капитала и социальной интеграции. Речь шла в целом о том, чтобы положить конец особой исторической эре, на протяжении которой реальные инвестиции в течение 30 лет - фактически или, по

меньшей мере, на словах - находились в равновесии с «экономикой полной занятости» (определение Дж. М. Кейнса).

Вначале было нелегко различить за террористической политикой поддерживаемых США военных диктатур механизм долгосрочных социальных преобразований, запущенный вторым эшелонем технократов («монетаристской контрреволюции») (Милтон Фридман). Тем не менее, именно в Чили был начат эксперимент, которому предстояло приобрести всемирное значение. В то время как мы смотрели на не имеющего совершенно никаких экономических концепций деспота - Пиночета, около сотни выпускников Чикагской школы экономики, с помощью налоговых и валютно-политических мер разрушали до основания модель развития блока «Народного Единства», основанную на смешанной экономике. Бюджетные сокращения, кредитные ограничения и конвертируемость валюты стали исходным пунктом программы, которая «разгосударствила» хозяйственные структуры, либерализовала цены внутри страны, открыла рынки капиталов и внешнюю торговлю и, напротив, установила жесткий контроль над рентабельностью рынков рабочей силы и над заработной платой, запретив профсоюзы, ликвидировав практику коллективных соглашений и оставив рабочих без всякой социальной защиты. Среднесрочными результатами этой первой «шоковой терапии» новой эры стали массовая безработица, негарантированные (прекаризованные) (2) трудовые отношения по цене ниже прожиточного минимума, упадок образования, здравоохранения и социального обеспечения. Это была принудительно взимаемая дань радикально-либеральной утопии «саморегулирующихся рынков», которая с помощью своих «политически нейтральных правовых норм» вводила «подлинную свободу личности» - для неимущих это была свобода умереть с голоду. Это казалось тогда возможным только в условиях военной диктатуры... Действующий деспотическими методами режим одновременно «деполитизировался» и передал все функции социально-экономического регулирования технократическим администраторам; а те, действуя вполне целенаправленно, на словах отрицали капиталистическое планирование. Эти администраторы отказались от прежних концепций индустриализации, основанных на идеи замены импорта, и сделали ставку на экономические модели, ориентированные преимущественно на экспорт.

На первый взгляд, на противоположном полюсе находилась Южная Корея, где государство с помощью открытого использования инструментов регулирования рынка осуществляло аналогичное подчинение национальной экономики мировому рынку при относительно меньших издержках. Первые фазы экономического развития эта дружественная США военная диктатура прошла, в значительной мере, с помощью долларовых субсидий. Когда в середине 70-х гг. по примеру японской модели интенсификации производства начался самостоятельный рост, он принял характер «кровавого тейлоризма» (3), без каких-либо уступок рабочему классу в сфере доходов. В порядке компенсации развернулась массовая кампания за «предприятия-общины» (4), распространялась конфуцианская идеология почитания старших. Пролетариат ответил массовыми бунтами, которые в 1980 г. были потоплены в крови; в результате промышленные профсоюзы были разгромлены, а пролетариат в течение 6 лет сдерживался с помощью копии японской модели фабричного профсоюза (5).

Насильственные структурные переломы в Чили и в Южной Корее во многом стали узловым пунктом новой глобальной стратегии консолидации капиталистической эксплуатации, хотя южнокорейский вариант оставался ограниченным рамками Юго-Восточной Азии. Однако присущие этим диктатурам элементы «внеэкономического террора» постепенно смягчались, по мере того как инструменты монетаристского удушения, примененные советниками владельцев транснациональных денежных мешков в «критических» пороговых странах (6), распространялись на всю мировую капиталистическую систему, а открытые классовые конфликты постепенно шли на убыль. Военно-полицейские операции по-прежнему применялись в исключительных случаях против активных низовых профсоюзных и социальных движений, как показывают примеры Турции, Южной Африки, Бразилии или Италии. Однако на первый план, несомненно, вышли инструменты «молчаливого экономического принуждения» и скрывающееся за «рыночным саморегулированием» запланированное внедрение радикальных структур накопления капитала (7).

Как только угрожавшие системе социальные бунты были взяты под контроль и продолжались теперь уже лишь подспудно, неолиберальные экономисты превратились в передовых борцов за парламентско-демократические гарантии индивидуальных свобод. За этим фасадом «рыночный субъект», освобожденный теперь от всяких оков, восторжествовал по всему миру, как в метрополиях (вначале в Англии и США, затем в Италии, Испании, Франции и Германии), так и в странах периферии (начало положила Мексика в 1982 г.) и, во все большей степени, в Восточной Европе. Предпосылкой к этому послужило то, что финансовые рынки, как

универсальные точки концентрации денежного капитала и самая мобильная форма капитала, становились все более независимыми по отношению к реальному капиталу (т.е. к капиталу, связанному с реальным производством. - прим. перевод.) и начали оказывать давление на снизившиеся нормы прибыли во всех точках Земного шара.

Началась невиданная до тех пор «инновация» **(8)** финансовых рынков. В результате этого по всему миру возобладала дефляционная **(9)** тенденция к выравниванию процентных ставок **(10)** на высоком уровне. Господствуя над попавшими в свободный доступ валютами и над валютными рынками, этот процентный диктат лишил национальные центральные банки их «процентного суверенитета», сделал сокращение бюджетных расходов общей нормой и в значительной мере оставил рынки капиталов и рабочей силы без кейнсианского опосредования (т.е., без государственного вмешательства, нацеленного на достижение полной занятости посредством активной социальной политики, - прим. перевод.). Социальное государство пало жертвой этой политики экономии денег, причем независимо от того, шла ли речь о задолжавших международным монетарным институтам развивающихся странах, о пороговых странах или даже об экономических системах метрополий. Чем больше они теряли почву и превращались в конкурирующие друг с другом за «выгоды размещения капиталовложений» части «тотального рынка», тем более непосредственно доход труда и капитала превращался в зависимую переменную величину международного режима высоких процентов... Реальные инвестиции производились теперь лишь в том случае, если ожидавшийся уровень прибыли хотя бы примерно приближался к недостижимо высокому уровню процентной ставки. Это все чаще происходило только тогда, когда повышение производительности труда сопровождалось увеличением темпа работы, удлинением протяженности рабочего времени и сокращением зарплаты и когда с помощью сокращения расходов национального бюджета доходы масс дополнительно перераспределялись в пользу возросшего среднего уровня прибыли (имеется в виду снижение налогов на бизнес при уменьшении государственных расходов на социальные нужды, - прим. перевод.).

Если на уровне национально-государственной или наднациональной политики иногда и возникали тормозящие эффекты (последний раз в связи с Маастрихтским референдумом о Европейском Союзе в августе-сентябре 1992 г.), то неконтролируемые валютные спекуляции удерживали их в жестких рамках и принуждали соответствующие правительства к драконовскому урезанию бюджета за счет трансфертов **(11)**. Такое массированное вмешательство становится все легче, поскольку ведущие школы мысли и институты экономической теории как творцы общественного мнения, а также интернациональные и наднациональные центры регулирования (МВФ, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейский Союз) испытывают все возрастающую зависимость от владельцев финансового капитала, крупных банков и контролируемых ими финансовых рынков. В результате продолжающегося монетарного давления на целые национальные хозяйственные комплексы со стороны глобальных владельцев финансового капитала сейчас наступило положение, при котором, как писал Кейнс в саркастической полемике с либеральными дефляционистами 20-х гг., уже не спекулянты, пытающиеся скорее извлечь максимальные прибыли, плывут мыльными пузырями в вечном потоке продуктивных инвестиций, а «жажда предпринимательства становится мыльным пузырем в пучине спекуляции». Выступая за преодолевающий депрессию «социальный пакт» в виде взаимосвязи между производительностью труда и доходами (т.е. за рост увеличение доходов работников при росте производительности труда, - прим. перевод.), школа Кейнса не случайно отвергала вариант капиталистической экономики, при котором решения об инвестициях в производство и о социальном бюджете принимаются в порядке «побочного продукта работы казино».

С взрывом «замкнутых торговых государств» Восточной Европы и Азии победная поступь «капитализма казино» пока что завершилась, со всей резкостью проявив присущие этой форме капитализма разрушительные тенденции. Это завоевание далось ей легко. Ведь «реальный социализм» был только архаической капиталистической структурой с государственной собственностью на средства производства, которая, как и кейнсианский фордизм, лишала рабочий класс самоопределения в вопросе способа производства, однако, из-за своих неэффективных, по сравнению с рынком, плановых структур и стесненных форм труда не смогла ни достичь западного уровня роста, ни дать адекватный ответ на глобальный цикл дерегулирования **(12)** последних 20 лет. Этот отсталый и грубо сколоченный вариант капитализма погиб в конце 80-х гг., причем, в случае с Венгрией, Югославией и Польшей, не следует недооценивать и внешнее влияние, связанное с задолженностью этих стран МВФ. Наверняка не случайно «взлет» чилийской модели 1973-1990 гг. повторился на польской почве с паразитическим структурным сходством. На сей раз модель чикагского неолиберализма

использовали интеллигенты из пришедшего к власти католического рабочего движения. Не понимая того факта, что план и рынок, «реальный социализм» и реальный капитализм являются лишь по-разному контролируруемыми властными инструментами для превращения рабочих в переменный капитал (13), они захотели за одну ночь выбросить вон все, что хотя бы отдаленно напоминало о социальном государстве. Как и в Чили, сокращения бюджетных расходов, ограничение кредита, конвертируемость валюты и либерализация цен определяли стартовые условия, которые одним ударом должны были сделать вмешательство необратимым. Соответственно резко подскочили процентные ставки, цены на потребительские товары взорвались, заработки были сбиты намного ниже уровня инфляции. Результатом стало драматическое падение уровня жизни огромной части населения, резкая общественная поляризация с массовой безработицей, быстро попадающими в состояние прекаризации самостоятельными трудящимися и обнищавшими крестьянами, с одной стороны, и отвратительным новым классом спекулирующих капиталистов, с другой.

Это крайне «несозидательное разрушение» отнюдь не удержало «постсоциалистические» элиты других восточно-европейских стран от заимствования его основных принципов. Под руководством команд неолиберальных советников из США и ФРГ эти страны одна за другой подчинялись диктату политики высоких процентных ставок, ограничения кредита, девальвации валюты, либерализации цен, дерегулирования внешней торговли и приватизации предприятий. Возникновение массовой индустриальной резервной армии и нищенства приветствуется как гарантия скорого экономического подъема за счет снижения стоимости рабочей силы. И эти тенденции зачастую задаются в финансово-политическом отношении на десятилетия вперед. Восхваляемые как центры нового этнического национализма, новообразованные центральные банки, например, не только отдаются на милость международного финансового капитала, но и закладывают значительную часть государственной собственности для поддержания новых валют.

(К примеру, Центробанк Эстонии, по соглашению о «сигтенсу board» с бреттон-вудскими институтами, может запускать в обращение лишь такое количество международных платежных средств, сколько он имеет золота или иностранной валюты. Одновременно эстонская крона привязана к немецкой марке в соотношении 8:1 и тем самым Эстония имеет обязательства по сохранению стабильной стоимости денег по отношению сразу к двум гегемонам. Остается отметить, что эстонский лесной фонд заложен в виде гарантии западногерманских кредитов, полученных для поддержания кроны).

Восточно-европейский путь к рынку (реальному капитализму), несмотря на начавшуюся с 1993 г. смену политико-экономического курса, как кажется, неумолимо ведет к депрессии, к трансформации в деиндустриализированное общество «одной трети» (14) с растущим уровнем эмиграции и сравнительно выгодным для капитала уровнем производственных издержек. Он служит также убедительным выражением того, насколько велики социальные издержки и уничтожение ресурсов, которыми сопровождается трансформация, осуществляемая международными владельцами финансов с целью обеспечить более радикальное извлечение прибыли.

Остановимся на некоторое время и зададимся вопросом: каковы же были характерные черты капиталистического регулирования, которые, очевидно, были безвозвратно разрушены высвободившимися финансовыми рынками вслед за сдерживанием социальных бунтов 60-х - 70-х гг.? Со времени происшедшего в тени массовой безработицы и депрессии взлета кейнсианской теории в Англии, Скандинавии и США в начале 30-х гг. было установлено, что рост производства и производительности труда представляется возможным и целесообразным лишь в том случае, если соответственно возрастает и эффективный спрос в виде частных и общественных расходов на потребление. Так называемый закон Сэя, в соответствии с которым любое производство может быть раскрыто как фактор дохода и, следовательно, как соответствующий по объему спрос, был - вслед за Марксом - опровергнут, поскольку этот закон не учитывал, что спрос и предложение не всегда совпадают во времени и в пространстве. Вследствие этого, механизмы цен на рынках финансов, благ, земли и рабочей силы не в состоянии автоматически устанавливать равновесие между спросом и предложением. Чтобы справиться с этим, кейнсианцы считали необходимыми не только повсеместно известную мобилизацию спроса или занятости с помощью дефицита государственного бюджета и обложения высокими налогами новообразованного дохода с последующей политикой активных государственных инвестиций в экономику. Было настоятельно необходимо в длительной перспективе выровнять хаотическое и усугубляющее кризис «стремление к ликвидности» (15) у владельцев финансов с помощью дополнительного государственного инвестиционного бюджета (такова была основная идея Кейнса незадолго до окончания второй мировой войны, как

показывают его бумаги о послевоенном экономическом планировании 1943-1944 гг.), установить вопреки их воле нормы уровня накопления и обеспечить преодолевающую кризисный цикл полную занятость с помощью частичной национализации инвестиций, прежде всего в сфере транспорта и связи.

На этой основе можно было затем предложить рабочему классу социальный пакт: повышение производительности и согласие на проведение фордистской рационализации в обмен на гарантии общественного воспроизводства (16) и постоянный рост заработной платы. Однако эта попытка не отвечала интересам ни банкиров, ни крупных предпринимателей, поскольку она не только узаконивала классовую борьбу как рычаг «справедливого» перераспределения доходов, но в тенденции лишала их промышленной резервной армии и такого решающего инструмента навязывания дисциплины, как безработица. Принцип «в поте лица будешь ты добывать хлеб свой» был для них важнее, чем стабильные, гарантированные «синтетическим бумом» виды на прибыль... Такая далеко идущая «решительная реформа» капитализма стала поэтому возможна только в условиях депрессии и послевоенных лет: мировая экономика в действительности развалилась, и после 1945 г., несмотря на начавшуюся вскоре «холодную войну», капиталу не удалось помешать этому социальному пакту, не в последнюю очередь понимаемому как антифашистский. Тем не менее, в вино 30-летнего послевоенного процветания с самого начала было подмешано немало воды. Национализация инвестиций была разбавлена «глобальным управлением» и не смогла помешать прекарнизации «другого рабочего движения», в особенности иностранных рабочих и женщин. Но прежде всего, кейнсианская система регулирования осуществлялась только на уровне национальных государств. В международном контексте удалось лишь добиться координации в виде инструментов Бреттон-Вудса в 1944-1945 гг. (17); они фиксировали обменные курсы как шлюзы для различных путей и стадий развития и обеспечивали продолжение начатой со времени мирового экономического кризиса импортозамещающей индустриализации (18).

Так в целом был обеспечен 30-летний период процветания, служащий исключением в 150-летней истории индустриального капитализма, и впервые в истории возникло мировое хозяйство. Однако кейнсианство тем самым создало и главные инструменты для преодоления навязанной им же самим «решительной реформы»: капиталу удалось вывести из равновесия социальное государство в метрополиях и развивающиеся режимы на периферии после потрясений, связанных с социальными бунтами. Опираясь на усилившуюся мощь международных структур, он сумел подчинить себе институты Бреттон-Вудса (МВФ, Всемирный банк и Генеральное соглашение по тарифам и торговле) и навязать свой диктат структурам регулирования национальных государств. Именно потому, что 25 лет назад мы, исходя из своих собственных причин (т.е. в ходе социальных бунтов конца 60-х гг., - прим. перевод.), приняли участие в дестабилизации (снизу) этой системы регулирования, нам следует, хотя бы ради аналитической точности, воздать должное ее протагонистам и структурам, бросив взгляд назад на результаты их деятельности. С ностальгией, надеждами на восстановление или даже запоздалым раскаянием это не имеет ничего общего...

Чем же характеризуются нынешние социально-экономические процессы по сравнению с предшествующей эрой? Во-первых, остается заключить, что кризисный цикл прошлых лет во многих отношениях был возвратом к «нормальному капитализму». Существование циклически воспроизводящейся... промышленной резервной армии было и остается решающим условием капиталистического производства как процесса накопления капитала. То, что Маркс называл основным законом накопления капитала, кейнсианцы также считали главной константой системы: капитал чувствует себя наиболее комфортно тогда, когда имеет неограниченную возможность использовать нищету, голод и негарантированные условия существования как безмолвные стимулы для превращения труда в переменный капитал... Как показывает социально-экономическая история индустриального капитализма, после подавления угрожавших системе рабочих бунтов длительные фазы низкой занятости бывали скорее правилом, чем исключением. «Пониженная деловая активность» становится нормой, и стратеги политики процентных ставок после фазы рецессии прагматически ведут экономическую политику между двумя полюсами - подъема / полной занятости и полного краха. С глобальной точки зрения, эти действия включают в себя возможность территориально распределить обе крайности со всеми их промежуточными стадиями, так что в нынешней ситуации субцентры нового подъема (Юго-Восточная Азия) (19), сферы рецессии (стагнации) (Западная Европа) и депрессии (Африка, часть Латинской Америки), а также регионы кризиса трансформации (Восточная Европа) складываются во всемирную картину субнормального роста (20). Решающую роль играет то, что классовая поляризация углубляется повсюду, независимо от упомянутых региональных особенностей, и что в каждой точке цикла пролетарские интересы

воспроизводства подавляются «относительным перенаселением» или «промышленной резервной армией», хотя и различными (в зависимости от региона) по своим количественным масштабам.

Владельцы финансовых состояний наложили на весь хозяйственный период печать сдержанности в осуществлении инвестиций. Они принудили собственников капитала, наемных работников, управленцев и получателей трансфертных услуг социального государства совершить кульбит и поставили на повестку дня выработку совершенно нового и в известном смысле открытого поведения в отношениях производства и воспроизводства. Таким образом, наиболее бесстыдная, мобильная, абстрактная и потому наименее уловимая форма капитала открыла процесс далеко идущей социально-экономической трансформации, который затем захватил и сферу «реального социализма». Исходя из финансовых центров, были усилены властно-политические инструменты якобы саморегулирующихся рынков. Они вновь превратили сферы образования реального капитала, рынки рабочей силы, рынки земли и системы социально-политического трансферта для регулирования относительного перенаселения в те «дьявольские мельницы» (по выражению Карла Полањи), которые, по крайней мере, частично были укрощены кейнсианством. Начинается период «проб и ошибок», в ходе которого в конкурентной борьбе, сопровождающейся юридическими конфликтами вокруг патентного права, утверждаются «иные правила игры», призванные надолго обеспечить рентабельность (21).

Будущие институты и структуры социальной интеграции также не могут быть предсказаны заранее. Вопреки всем, даже заново сформулированным теориям автоматического краха капитализма, исход игры является принципиально открытым. В настоящее время всемирное восстановление уровня норм прибыли на фоне стабилизировавшейся резервной армии и растущей бесправности трудовых отношений выглядит весьма правдоподобной. Менее правдоподобно, но в принципе также вероятно и обратное. Если пролетариат оправится от навязанного ему - в наказание за его бунт - процесса трансформации своей прежней структуры и переформируется заново, он вполне сможет снова вмешаться в кризисный цикл. Он наткнулся на этот цикл 25 лет назад, и с тех пор тот только углубился. Если такое вмешательство окажется удачным, то в качестве альтернативы новому типу накопления капитала пролетариат может начать процесс преодоления существующей системы.

Однако подобная альтернатива может обрести форму, только если будет понят обозначившийся переход к новому типу накопления со всеми его особенностями. О некоторых из них - условиях формирования нового мирового пролетариата, структурном изменении процесса производства и т.д. - речь пойдет в следующих разделах. Здесь я хотел бы только назвать некоторые аспекты, которые не смогу более подробно обсудить в рамках настоящей работы. Тем не менее, они заслуживают точного изучения. Я имею в виду прежде всего полемику с неолиберальной теорией «саморегулирующихся рынков», эффективно маскирующей властные структуры наступательной структурной перестройки капитализма.

Независимо от того, какие «либерализованные» сферы рынка мы рассматриваем - денег, доходов от капиталов, земельной ренты или заработной платы - во всех случаях речь идет об утопиях, поскольку состояние равновесия как предпосылка для саморегулирующегося функционирования предложения и спроса является фикцией и всегда может быть установлено только на определенное время с помощью вмешательства извне. Рынки нестабильны в принципе. Они всегда регулируются, планируются и определяются отношениями господства, даже тогда, когда все выглядит так, будто они саморегулируются. Для функционирования капиталистической экономики в принципе ее внутренняя структура имеет, к тому же, лишь второстепенное значение. Ведь ориентированное на получение прибыли накопление капитала является открытой системой, которая может оперировать с различными формами рынка благ, кредитов, земли и труда - центральным государственным планированием, монополией, олигополией (22), «либеральными» рынками «свободной конкуренции» с максимальным количеством носителей спроса и предложения, всеми переходными формами между свободным и несвободным трудом. С помощью термина «дерегулирование» неоклассическая школа и неолибералы систематически маскируют тот факт, что и при применении крайне «плюралистических» форм рынка речь для капитала идет только о том, чтобы оптимизировать свойственный ему процесс извлечения прибыли из рабочей силы с помощью целенаправленного властно-политического вмешательства.

Возьмем, к примеру, нынешнюю «либерализацию» рынков труда. Она потому кажется столь адекватной новому циклу капитала, что позволяет ему присвоить выросшую из социальных бунтов 60-х - 70-х гг. «новую субъективность» трудящихся с их потребностями в суверенном распоряжении временем и самоопределении. При этом тенденции к «бегству от труда» были

крайне эффективно уловлены и обращены в свою противоположность: в результате того, что прежние «монополии», установленные трудовым и тарифным правом, были сломаны и продавцы рабочей силы отброшены к индивидуальным контрактам, они утратили свою прежнюю относительную «рыночную мощь», молчаливо гарантировавшуюся профсоюзными нормами и нормами трудовой политики (23). «Либерализация» рынков труда, таким образом, способствует крайнему перераспределению власти в пользу логики капиталистического извлечения прибыли, в результате чего жизненные интересы получающих зарплату, работающих по контракту, пенсионеров, квартиросъемщиков, арендаторов, безработных и получателей социальной помощи определяются заново к их крайней невыгоде - используя их «новую субъективность». В результате первоочередной адаптации механизмов рынка труда к их новому поведению, они расплачиваются своей индивидуальной свободой решения и возможностями своего влияния на высоту зарплату и контрактных гонораров, время труда, длительность договоренных трудовых отношений и условия труда. Как раз в тот исторический момент, когда - разрушительное и потому осуществимое всегда лишь на ограниченное время и с помощью «дьявольской мельницы» рынков - преобразование труда в переменный капитал происходит в одеянии «возросших индивидуальных свобод принятия решений», в потенциале оно скрывает в себе условия подчинения для тех, кто, чтобы иметь возможность купить для себя продукты питания, должны и далее продавать свою рабочую силу на рынке труда (24). Эта диалектика радикального подчинения «новой субъективности пролетариата» долго не замечалась работниками, поскольку она происходила под прикрытием гигантских идеологических конструкций мнимого «индивидуального освобождения» и к тому же маскировалась введением гибкой структуры рабочего времени. Но чем больше росла интенсивность эксплуатации в новом цикле накопления и становились заметнее последствия прекаризации, тем больше рассеивался туман. Мы еще увидим не только то, какую взрывную социальную силу затем вновь высвобождает «индивидуализированный» трудовой договор, но и то, как быстро его стратегические наставники перейдут к прямой противоположности - к пропаганде несвободных трудовых отношений. Ведь трудовые отношения крайне вариативны в своих связях с открытой системой способа производства, определяемого ориентированным на получение прибыли накоплением капитала. Здесь остается постоянным только стремление капиталистов насколько только возможно урезать возможности самоопределения трудящихся в интересах неограниченного принуждения к труду.

Не менее важно указание на то, что национальное государство - будь оно по конституции «государством-нацией», «народной демократией» или «этническим государством» - деградирует до роли подчиненной функции в глобализованном накоплении. С ликвидацией «суверенитета в сфере установления процентной ставки», «валютного суверенитета» и даже текущего бюджета государство в значительной мере утратило способность осуществлять экономическую и социально-политическую интеграцию классов (т.е., политику социального партнерства, - прим. перевод.) в пределах своих политических границ. Большинство инструментов, которыми обладало государство в кейнсианскую эру и тем более при «реальном социализме» для автономного «экономического» управления воспроизводством капитала и общества внутри своих границ, растаяли в кризисном цикле последних 20 лет как снег на солнце. Чтобы воспрепятствовать далеко идущей эрозии своих интегрирующих функций, политические бюрократии могут лишь попытаться привлечь по возможности большее количество капитала в рамках налогового-политических и монетарных мер и по возможности дольше удерживать его в своих границах. Результат - постоянная борьба за привлечение и закрепление части мирового капитала (т.е. за привлечение капиталовложений на свою территорию, - прим. перевод.), и в ходе формирования возникающих отсюда отношений гегемонии и подчинения государственная политика «размещения производства» становится подчиненной переменной величиной в диктуемом мировым капиталом новом определении норм прибыли, зарплат и трансфертных выплат. (25)

Таким образом, теперь уже имеет место не эксплуатация бедных стран богатыми странами; сказывается тенденция к выравниванию издержек на оплату рабочей силы, выравниванию ситуации массовой безработицы и низкой занятости - при извлечении прибыли глобальным капиталом из глобального труда. Эта тенденция все больше пробивает себе дорогу на уровне национальных государств и принуждает их принять классовую поляризацию, существующую в глобальном масштабе. В то же время, рынки труда и социальные трансферты представляют собой последние переменные величины для борющихся за свою гегемонию государственных режимов, на которые они еще в состоянии оказывать определяющее влияние после отказа от собственных денежных и капитальных бюджетов ради следования глобальному циклу. Здесь лежат экономические корни кризиса национального государства. В борьбе за лучшие условия

привлечения и размещения капитала политические элиты деградировали до роли зависимых посредников эксплуатации и низкой занятости (иными словами, они способствуют снижению стоимости рабочей силы ради привлечения капиталовложений, - прим. перевод.). Одновременно они начинают компенсировать соответствующую утрату своей реальной власти, вмешиваясь в углубляющиеся социальные конфликты с помощью национализма «классовой гармонии» в вопросе выбора «места размещения производства». Так они ослабляют с помощью закрытых границ миграционные движения, выросшие в результате глобального относительного перенаселения, сваливают общественно-политические последствия кризиса на различные меньшинства.

Во многих случаях инволюция (т.е. обратное развитие, свертывание, - прим. перевод.) кейнсианского государства развития и социального государства способствует далеко идущему расколу прежних руководящих политико-экономических групп на отдельные фракции. При этом иногда в соревновании с демократическими движениями снизу прежний союз между центральными бюрократиями и фордистским крупным капиталом сменяется «консервативной революцией», с целью включить в картель власти усилившиеся в период дерегулирования новые, «постфордистские» слои предпринимателей и спекулянтов (правительство Берлускони - Босси в Италии). Иногда же в борьбе за лучшие позиции мировой капитал разлагает федеративные государственные нации на их этнические компоненты, причем инициативу проявляют элиты более процветающих составных частей, предлагая себя затем в качестве сепаратистских младших партнеров институтам мирового капитала или государствам, стоящим выше на иерархической лестнице (случай со Словенией, Хорватией, Балтийскими республиками). В свою очередь, и в наднациональных союзах государств пробивают себе дорогу политические помощники международного финансового капитала, которые руководят дальнейшим процессом интеграции в соответствии с потребностями мирового рынка, заботясь о неограниченном воспроизводстве новых правил накопления внутри этих союзов (Европейский Союз, североамериканская зона свободной торговли НАФТА).

Таким образом, дестабилизирующие эффекты обновляющегося глобального режима накопления значительны. Они ведут к тому, что финансовые рынки по мере осуществления их программ должны заниматься кризисами легитимности национальных государств и «этническими» войнами, поскольку конкуренция их подчиненных помощников за лучшие условия размещения капитала усиливается. Это, без сомнения, особо бросающийся в глаза аспект меняющегося в масштабе мира режима накопления. Для финансовых рынков, как и в конце прошлого века, первоочередным становится долгосрочное глобальное «обеспечение мира» с целью предотвратить международные последствия наведенной ими же самими разрушительной «этнизации социального» и снять угрозу для их модели реконструкции. В свою очередь, для нас из этого следует вывод о том, что разрушение механизмов управления и социального перераспределения, наступившее с упадком национальных экономических комплексов и «больших пространств» кейнсианского периода регулирования, не только открывает возможность контрнаступления против международного социального бунта, но и лишает всяких оснований для существования все виды традиционного рабочего движения, интегрированного в национальные рамки. Как и в период после 1919-1920 гг., национально-государственный суверенитет и «социальный вопрос» снова расходятся. Эра национально-освободительных движений и национал-государственного рабочего реформизма во всем мире закончена. Восстановление пролетариата и социалистической политики может произойти только на международном уровне и на основе интернационалистского сознания. Возможно, это всегда так и было. Но из анализа сегодняшнего положения должен быть сделан вывод, что именно с этого момента можно приступить к активному поиску классово-ориентированных и освободительных альтернатив действий в противовес национализму, разворачивающимся «консервативным революциям» и тенденциям к «этнизации социального».

Предпосылка классового интернационалистского движения состоит в том, чтобы при столкновении с этими, несомненно опасными, феноменами не смешивались причины и следствия. Провозглашаемая связанной со СМИ фракцией капитала в некоторых странах «консервативная революция», точно так же как и узкий национализм «места размещения производства», служат формой выражения глобально-вынужденного преобразования политических структур в пользу более радикальных отношений эксплуатации. Понимание этого должно предохранить нас от мнимых приоритетов, ложных преувеличений и союзов. Нам угрожает не «новый фашизм», а «консервативная революция» политических властных элит нового режима накопления, которая отвечает на социально-экономическую ликвидацию прежнего общественного договора, регулируемого с помощью фордизма и социального государства, новыми политико-авторитарными стратегиями управления. При этом прежние

представительные многопартийные системы должны, с одной стороны, посредством инсценированной в них самих «эксперткратической» трансформации установить новое равновесие власти между старыми и новыми руководящими слоями, а с другой стороны, подчинить лишенный возможностей политического участия пролетариат массовому консенсусу, созданному прежде всего с помощью СМИ, и успокоить его. Появляются новые виртуальные миры СМИ, которые заслоняют взгляд на общественные реалии, чтобы тем самым устранить главную предпосылку для политико-освободительного действия.

«Относительное перенаселение» как предпосылка нового режима накопления

...На основе эмпирического анализа англо-ирландского хозяйственного цикла после 1846 г. Маркс 20 лет спустя установил, что в процессе экономического роста замечается снижение роста живого труда, превращенного в переменный капитал. Происходит прогрессирующее образование относительного перенаселения (26), поскольку рабочий класс в результате созданного его руками в предшествующий период накопления и обусловленных этим технических и ценовых изменений постоянного капитала (27) «в растущем объеме производит средства своего собственного относительного излишества». Из этого, относительно меньшего количества рабочих выжимается растущее количество труда. Сверхэксплуатация занятой части рабочего класса увеличивает его незанятый резерв, а рост этого последнего, в свою очередь, усиливает нажим на труд в сторону переработок и подчинения диктату капитала. Это и вызываемое таким образом падение размеров зарплаты ускоряет процесс накопления, в котором затем часть относительного перенаселения поглощается, так что заработки на какое-то время снова увеличиваются. Таким образом, колебания зарплаты рабочих регулируют расширение и сокращение промышленной резервной армии, которая действует как главная основа спроса и притока труда и, следовательно, должна считаться важнейшим условием накопления капитала. Так расширение капитала и общественного богатства от цикла к циклу вызывает дополнительный рост нищеты, а пролетариат в целом все теснее привязывается к капиталу. Соответственно, источники и формы проявления относительного перенаселения все больше разнятся. Ее «текучая» (смена поколений, замена мужчин на женщин и детей) и «застойная» (нерегулярно занятые) части делают возможным ускоренный износ активной армии рабочей силы, к которой они функционально принадлежат. Напротив, проистекающее из индустриализации сельского хозяйства «скрытое» перенаселение служит постоянным источником его пополнения, а пауперизм (нищенство, - прим. перевод)... представляет собой всеобщий «дом инвалидов активной армии рабочей силы и мертвый вес промышленной резервной армии». На следующем уровне своего анализа Маркс установил, наконец, что именно эта взаимосвязь между промышленной резервной армией, зарплатой и повышением уровня эксплуатации труда, в совокупности с другими факторами, может задержать тенденцию к падению норм прибыли (28) и на время даже обратить ее вспять.

Уже самый поверхностный взгляд на социально-экономическое развитие последних 20 лет показывает, что столь часто оспариваемой марксовской теории обнищания суждено возвращение. То, что Маркс исследовал на примере экспансии британского капитализма, сегодня происходит на мировом уровне, и фабрики мысли современного капитализма уже около 15 лет признают и как само собой разумеющееся обсуждают феномен глобального относительного перенаселения. В настоящее время 120 миллионов человек официально являются безработными, из них 38 миллионов в странах ОЭСР и 20 миллионов в странах ЕС. 200 миллионов детей прикованы к главным образом несвободным трудовым отношениям. 150 миллионов «лишних» людей мигрируют внутри своих стран и континентов и между ними. Около 500 миллионов живут ниже уровня нищеты, только в Латинской Америке и Африке их число возросло до 180 и 200 миллионов человек. 700 миллионов работников считаются неполностью занятыми и выживают за счет дополнительных заработков в «формальном» секторе производства, как «самостоятельные работники» или в «потовыжималках», приукрашено именуемых «неформальным сектором» (29). Это относительное перенаселение служит резонансной почвой для новых методов наступления на сокращающуюся повсюду, кроме Юго-Восточной Азии, «активную армию рабочей силы», а также для всеобщего осуществления измененных трудовых отношений. И при внимательном рассмотрении оказывается, что возвращение к предположениям Маркса о современном ему относительном перенаселении вполне может помочь эмпирическому постижению и терминологическому выражению куда более

драматической, теперь уже всемирной и во многом совершенно новой взаимосвязи между промышленной резервной армией и режимом накопления.

Начнем со «скрытой» части резервной армии труда. Продвижение капиталистических отношений в сельском хозяйстве постколониальных стран началось уже в 60-е гг., однако с тех пор оно все более усиливалось. Новые методы агротехники, ирригации и «биореволюции» семенного фонда вкупе с падением мировых цен на сельскохозяйственную продукцию все больше отбрасывают на обочину самообеспечивающееся крестьянское производство. Повсюду на трех континентах за его счет распространяются ориентированные на экспорт монокультуры агропромышленного комплекса. Мелкие и мельчайшие крестьянские семейные хозяйства имеют все меньше земли и самостоятельно получаемого дохода. Они все больше становятся поставщиками батраков, сезонных рабочих и мигрантов в расширяющемся аграрно-капиталистическом секторе и в сфере первичного производства промышленных плантаций. Так происходит с обитателями эхидос (крестьянских общин) Мексики, которые до отмены их сельского общинного владения (эхидо) перед заключением соглашения НАФТА еще могли дополнительно держаться за свои парцеллы как за убежища от скрытой безработицы. Так потерявшими свои участки и абсорбированными строго иерархическими рынками занятости на условиях неполного рабочего времени. Как и в Латинской Америке, аграрно-капиталистическая маргинализация и вытекающее отсюда ползучее «высвобождение» почти «естественно» протекает почти по всей капиталистической периферии. Но есть и более вопиющие примеры. К ним относятся широкомасштабные проекты развития Всемирного банка и его континентальных ответвлений, которые принудили к «переселению» миллионы сельских жителей. В Южной Африке насильственные изгнания целых деревенских общин и последующее принудительное привлечение их обитателей к деятельности в качестве рабочих-мигрантов продолжались до начала 80-х гг. Наиболее крупная аграрно-капиталистическая трансформация началась в те же годы в Китае, когда «коммунистическое» руководство отказалось от экономики «народных коммун», передало землю крестьянским семьям и таким образом положило начало аграрно-индустриальному развитию, которое согнало с земли 150 миллионов человек. Противовесом этому медленному вовлечению в мировую систему хозяйства последнего «постсоциалистического» арьергарда оказываются 100 миллионов семей мельчайших крестьян на ее периферии - в общей сложности около полумиллиарда человек. Не имея достаточно земли для того, чтобы обеспечить себе сколько-нибудь сносное существование, они все же кое-как стабилизируют «скрытую» часть относительного перенаселения, за счет собственных земельных участков. Однако получаемый ими семейный доход упал ниже уровня нищеты, и они вынуждены вступать в капиталистические трудовые отношения за крайне низкую плату и подчиняться «принудительной торговле» с аграрными капиталистами, работодателями и местными несельскохозяйственными предпринимателями (т.е. производить изделия на продажу для крупных фирм или землевладельцев по диктуемым им ценам, - прим. перевод.).

В результате сочетания аграрно-капиталистической экспансии и кризиса в течение 20 лет более чем 150 миллионов человек дополнительно мигрировали в городские агломерации периферийного капитализма в попытке увеличить падающий семейный доход за счет несельскохозяйственных источников. От надежды проникнуть в «формальный» (как он стал тем временем называться) сектор постколониальной системы им пришлось быстро отказаться. Они наткнулись на городское трудящееся население, все больше вытесняемое из случайных заработков в сжимающемся «формальном» секторе, захватывающее городскую периферию в качестве «сквоттеров» и подвергающееся новой сверхэксплуатации на испытывающих недостаток капиталов, бедных в техническом отношении и трудоемких микро-предприятиях. Только в Латинской Америке между 1982 г. и 1992 г. в «барриос» и «фавелы» (30) городских агломераций переселились 76 миллионов пауперизированных людей (включая пороговые страны, о чем ниже). В этих изменившихся структурах «застойной» промышленной резервной армии они и закрепились самыми разными путями, причем число занятых в таких структурах к началу 90-х гг. возросло во всем мире до 300 миллионов. Вначале в режим «потовыжималок» в «барриос», «фавелах», «банлье», «сламах» попали взрослые младшие сыновья, затем дочери и, наконец, дети. В зонах депрессии в предсахарской Африке произошло далеко идущее уравнивание условий их жизни и труда с условиями жизни и труда населения, работающего по найму в рушащемся «формальном» секторе, причем существовавшее в предшествующее десятилетие противоречие в развитии между городом и деревней (31) исчезло и возникло постоянное перетекание между городскими и сельскими районами (циркулярная миграция). Если в зонах стагнации, таким образом, преобладающим явлением стали «неформальные» производственные отношения с 70-80% всех занятых, то в непороговых странах Азии и

Латинской Америки с долей «неформальной» занятости в 50-60% утвердилось разделение труда в соответствии с иерархией поколений и полов. Наиболее низкооплачиваемые работы с самым длительным рабочим временем и тяжелыми условиями труда достаются преимущественно детям и женщинам, работающим на дому, которые изготавливают прежде всего одежду, дешевый ширпотреб и деликатесы. Мужчины - «самостоятельные работники» и поденщики - работают мелкими торговцами, продавцами на рынках, строительными рабочими, ремесленниками в ремонтных мастерских, транспортными рабочими. Но все они чем дальше, тем больше связаны со структурами мирового хозяйства через широко разветвленные цепочки эксплуатации. При этом связи с ориентированным на экспорт «формальным» сектором интенсифицируются удивительно быстро. Во многих отраслях экономики растущие периферийные рынки труда на основе неполной занятости вместе с эксплуататорскими структурами индустриальных плантаций продуктов питания и деликатесов играют роль важных периферийных ресурсов для оптимизации производства, ориентированного на международные нужды. По сравнению с их объемом, отношения эксплуатации в работающих на мировой рынок фабриках «экспортных производственных зон», считающиеся гораздо более интенсивными, все еще предстают как второстепенные явления - своего рода снятие пенки с испытывающего недостаточную занятость рабочего потенциала развивающихся стран. Правда, темпы их роста со времени бума в китайских «свободных зонах» стремительно возросли (32). (В начале 70-х гг. в «свободных экспортных производственных зонах» работало 50 тысяч человек, в 1986 г. - уже 1,8 миллионов. Количество таких зон в развивающихся странах между 1975 и 1985 гг. удвоилось с 79 до 173).

В пороговых странах Латинской Америки, Южной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии урбанизованное «скрытое» перенаселение с 70-х гг., напротив, натолкнулось на промышленные производственные отношения, на которые наложило отпечаток неолиберальное «разжижение» частью значительных ядер активной армии рабочей силы. Их дальнейшую судьбу в значительной мере определяло их включение в новообразующиеся сектора структурной низкой занятости и подчинение им. В случае Латинской Америки это означало, к примеру, что они уже не могли связываться с центрами управляемого импортозамещающего производства, а вместе с массой прекаризованных промышленных рабочих положили начало сложному симбиозу выживания, завладели периферией агломераций больших городов и были подсоединены к сетям «неформальных» трудовых отношений, как и в зонах депрессии на трех континентах. Таким образом, различные формы негарантированных трудовых отношений - бразильские «бискатейрус» как вариант самостоятельного квалифицированного труда, уличные дети из разбитых бедных семей, поденщики, работники, занятые во время кампаний, и странствующие рабочие, женщины-надомницы - столкнулись с хитроумным, пронизанным иерархией режимом рынка труда, на который сперва наложила отпечаток прекаризация прежде социально гарантированных отношений наемного труда. Чем в большей мере такие отношения становились нормой - а в большинстве пороговых стран Латинской Америки они охватывали в начале 90-х гг. более половины всего потенциала рабочей силы -, тем больше они способствовали «разжижению» и переформированию в целом сокращающегося промышленного рабочего класса. Как показывает пример лежащей на границе США мексиканской зоне «макиладор» (33), нормы экстенсивной сверхэксплуатации, осуществленные в отношении «застывшей» части промышленной резервной армии, переносятся на более молодой рабочий класс и одновременно увязываются с действующими в этой сфере механизмами в общее интенсивное повышение уровня прибавочной стоимости.

Если в случае Латинской Америки эта взаимозависимость структурной низкой занятости и «разжижения» активной армии рабочей силы осуществлялась только в приватизируемых сферах бывшего государственного сектора и в новых экспортных поясах Аргентины, Бразилии, Чили и Мексики, то в развивающихся диктатурах Юго-Восточной Азии она стала преобладающей нормой. Наиболее мобильные и производительные группы также стабилизовавшегося там «неформального» сектора не только мигрировали на испытывающие бум фабрики, работающие на мировой рынок, и на реорганизуемые индустриальные плантации, но и были абсорбированы новыми сетевыми предприятиями текстильной, сталелитейной, автомобильной и металлообрабатывающей промышленности в ходе систематически проводимой политики индустриализации. При этом большая часть из них отнюдь не утратила клейма предыдущей аграрной или городской низкой занятости. Деспотический и хвастливый «периферийный фордизм» юго-восточно-азиатских пороговых стран использовал такую особую переходную ситуацию в процессе формирования пролетариата, копируя как модель для ускоренного, догоняющего роста флексибилизацию (34) японского режима накопления, начатую после кровавого разгрома промышленных профсоюзов СОХИО. (В исследованиях о примерном характере японского режима накопления походя упоминается, что он утвердился как ответ на

массовое рабочее движение, достигшее своего апогея в 1973-1974 гг. и закончившееся к началу 80-х гг. со стратегическим поражением промышленных профсоюзов СОХИО. Таким образом, «тойотизм» с самого начала был особенно бескомпромиссным вариантом контрнаступления против рабочих и социальных бунтов с конца 60-х гг.) (35). «Неформальный» сектор все больше превращался в иерархическую систему трудовых контрактов, так что уже на самой первой фазе развития предпринимательства более половины подготовительных заготовок перекладывалась на субконтрактников, «потовыжималки», ремесленников-надомников и самостоятельных работников. При этом не играло роли, подлежали ли трудовые отношения нормативной охране (Индия, Пакистан), оставались в значительной мере нерегулируемыми (Гонконг, Малайзия, Сингапур), или же придавали догоняющему росту характер «кровавого тейлоризма», напоминающего об отношениях, существовавших при нацистской диктатуре (Южная Корея, Тайвань). Важно было только одно: очевидная эффективность уровней эксплуатации. Новообразованный рабочий класс впервые бросил стратегический вызов этому юго-восточно-азиатскому методу перенесения эксплуататорских структур низкой занятости на гибко децентрализованные сети самого различного присвоения неоплаченного рабочего времени в конце 80-х гг. Однако, вместе с японским примером, он был объявлен образцом для всего мира.

Если в исследованных до сих пор случаях «унаследованные» от прошлого цикла и усилившиеся с тех пор процессы разрушения социальных корней в сельском «скрытом» перенаселении оказывали массивное воздействие на обусловленное дерегулированием формирование промышленной резервной армии в развивающихся и пороговых странах, то в своих собственных центрах капитализм создал относительно перенаселение преимущественно «эндогенно». Правда, за последние 20 лет следовавшие одна за другой волны миграций с Юга на Север, а затем с Востока на Запад форсировали тенденции к образованию экзогенного (36) относительного перенаселения и в метрополиях, с начала 90-х гг. они были в значительной мере пресечены. Эти поколения иммигрантов, безусловно, усилили тенденции к прекаризации трудовых отношений и в Японии, США и Западной Европе, но «неформальный» сектор до сих пор не стал там доминирующим. Определяющим был и оставался навязанный финансовым капиталом стратегический демонтаж реальных инвестиций, о котором мы уже говорили выше, - с целью усмирить рабочие выступления и утвердить в решающих точках размещения производства новый порядок относительно низкой занятости, который затрагивал весь пролетариат. При этом финансовые рынки и находящиеся под их господством транснациональные предприятия все в большей степени могли опираться на непосредственно предшествовавшие этим процессам перестройки в пороговых странах и на периферии и, с одной стороны, все более гибко принимать решения об инвестициях, пользуясь возможностью убежать в эти страны, а с другой, объявить радикализованные отношения на рынках труда и условия извлечения прибыли на периферии и на полупериферии нормой для всего мира.

На примере США можно показать, каким многослойным был этот процесс, пока он, наконец, не утвердился повсюду. В центре происходящего на протяжении всей эры Рейгана стояло наступление предпринимателей на цитадели профсоюзной мощи, причем решающую роль играли как раз подвергшиеся дерегулированию транспортные и телекоммуникационные концерны. Во многих случаях - например, в «Истерн Эйр Лайн» - целые предприятия были разрушены и разгромлены финансовыми спекулянтами, или - в случае с концерном «АТ&Т» - стратегические отделения были перенесены в пороговые страны. За этими громкими событиями последовал исход целых отраслей экономики в «свободные от профсоюзов» государства Юга, в то время как на компьютерных предприятиях Силиконовой долины взяли пример с ранее применявшейся репрессивной кадровой политики, основанной на иерархии по признаку пола, в комбинации, прежде всего на японских транснациональных предприятиях автомобильной индустрии, с самодисциплинирующими функциями группового труда. Эта разнообразная дестабилизация рабочего класса в Центре и разрушение профсоюзов стали, в конечном счете, возможны, поскольку социальные гарантии его существования, такие как страхование по болезни и пенсии по старости, привязаны к предприятиям. Кроме того, и без того рудиментарное страхование по безработице было в значительной мере демонтировано администрацией Рейгана. Трудовым коллективам после поражений оставался лишь путь «взаимных уступок»: согласия на ухудшение условий труда в обмен на отмену запланированного закрытия подразделений и предприятий.

Это «разжижение» активной армии работников сопровождалось систематическим преобразованием социальных программ благосостояния 60-х - начала 70-х гг. Была провозглашена философия «функционального гражданства»: кто претендует на блага социального трансферта, должен компенсировать это трудом. «Велфэр» («благосостояние») сменился «уоркфэрмом» (от «уорк» - «работа»), и все безработные, отказывавшиеся от штатных и

местных программ занятости, обрекались на уровень «внеконтрактной работы». Результатом стала тесная увязка быстро разрастающихся в ходе рецессий «застойных» секторов - лиц с неполной и негарантированной законами занятостью и «самостоятельно занятых», которые, прежде всего в случае с черными рабочими-мужчинами, дополнительно сталкивались с также расширявшейся сферой «потовыжималок», включавшей волны иммигрантов из Центральной Америки. В итоге наступило драматическое падение реальных заработков во всех секторах пролетариата, в сочетании с увеличением рабочего времени и ухудшением условий труда. Новым было, прежде всего, то, что на основе прочно укоренившейся системы низкой оплаты труда «гибких рабочих» возникла иерархическая цепочка получения прибавочной стоимости, возродившая внутри самих ведущих капиталистических метрополий все исторически известные формы эксплуатации и связавшая их друг с другом. Только в стране, где системы социальных гарантий всегда отставали от других кейнсианских механизмов регулирования, можно было с отказом от рецепта полной занятости столь бескомпромиссно направить частичные функции промышленной резервной армии на сверхэксплуатацию, использовать их для навязывания дисциплины активной армии работников и обресть безработных на массовую нищету на фоне чудовищного общественного богатства.

Только теперь выявилось, что этот вариант использования относительного перенаселения для утверждения нового режима накопления все больше задает тон процессам в других странах развитого капитализма. Доказательством тому стали параллельно протекавшие процессы в Англии (оказавшие большое воздействие и влияние на континентальную Европу). Тэтчеризм на удивление похожими методами в ходе примерных конфликтов разгромил рабочее движение и ликвидировал гораздо более развитую, чем в США, систему социально-государственного регулирования. Во-вторых, следует констатировать, что институты координации ведущих индустриально развитых стран - прежде всего, Организации экономического сотрудничества и развития - все больше принимают модель США и разрабатывают программы постоянной мобилизации незанятых или неполностью занятых частей пролетариата с помощью «уоркфэра» вместо «велфэра», чтобы таким образом ускорить переформирование активной армии работников. Даже такие страны, как ФРГ, где, если верить газете «Интернэшнл геральд трибюн», кейнсианский пакт с высокой оплатой труда в «раю для рабочих» все еще остается в силе, ощутимо движутся в этом направлении. Во Франции идет демонтаж обеспечивающей воспроизводство системы минимальной гарантированной зарплаты, которая еще сохранилась после «социалистического» дерегулирования (37).

Напротив, японский вариант переориентации, который я сам долго переоценивал, как показывают процессы развития последних лет, все больше демонстрирует свою нефункциональность. Очевидно, невозможно сохранить модель интегрированного в предприятие-общину наемного работника крупных концернов с гарантированной занятостью до 55 лет в среднесрочный период низкой занятости, поскольку, с одной стороны, менталитет нового поколения рабочих все больше отвергает тотальную модель предприятия-общины, а с другой стороны, цепочки эксплуатации, закрепленные в конгломератах концернов, - от привилегированных поставщиков до «потовыжималок» самой низкой категории - не могут из-за принуждения к экономической флексибилизации удержаться без посредничества рынков рабочей силы. Но это означает, что и в «бастионе Японии» происходит открытие рынков труда и утверждается тенденция к гибко иерархической промышленной резервной армии, которая превращается в решающий рычаг для укрепления нового режима накопления. Таким образом, и в метрополиях растут «неформальные» сектора «сламов», городов-спутников и «банлье». «Нетипичные» до сих пор негарантированные трудовые отношения в тенденции становятся нормой и определяют сейчас в среднем более трети всех отношений занятости в странах Организации экономического сотрудничества и развития. Новые качественные явления пауперизма, «уоркфэра», «гибкой работы», иерархического разделения труда по признаку пола, «самостоятельной работы» и «разжижаемой» активной армии работников все больше связывают рабочий класс капиталистических центров - при всех сохраняющихся и даже углубляющихся различиях в доходах - с пролетариатом пороговых стран и трех континентов (то есть Азии, Африки, Южной Америки, - прим. перевод.).

Что же однако произошло и происходит с пролетариатом «постсоциалистической» сферы? Он избавился от Дьявола, чтобы попасть в руки Вельзевула. За переплетением разбазаривающего ресурсы планирования и скованных трудовых отношений наемные работники сельского хозяйства и индустрии в «реальном социализме» пользовались известной самостоятельностью. Заработная плата платилась не за результаты работы, а за присутствие на рабочих местах. К тому же широко - хотя и на низком уровне - гарантированное социальное воспроизводство подкрепляло «теневые отношения» между пролетариатом и хозяйственной

номенклатурой. С точки зрения «снизу», архаический государственный капитализм во всех его разновидностях поддерживал некий неписанный социальный пакт с пролетариатом.

С этим застывшим нищенским вариантом административной экономической системы Китай покончил с начала 80-х гг., когда раздробление «народных коммун» на крестьянские семейные производства положило начало регионально дифференцированному аграрно-индустриальному развитию и одновременно согнало с земли стремительно увеличившееся количество населения (относительное перенаселение). Из 750 миллионов аграрных пролетариев, «отпущенных» из «народных коммун», до сих пор около 100 миллионов пустились в странствия. Наиболее молодые и мобильные слои попали в негарантированные и совершенно бесправные промышленные трудовые отношения в 4 прибрежных свободных экономических зонах и на «совместных предприятиях» в городских агломерациях. Большинство, однако, осталось безработными, поскольку с середины 80-х гг. началась фактическая приватизация нерентабельных крупных государственных предприятий, которая положила начало встречной промышленной резервной армии. Так «скрытые» и «застойные» части относительного перенаселения бежали на окраины больших городов (где как из-под земли выросли специфические, «деревенские» варианты сектора «потовыжималок» с населением более 100 тысяч человек) или же в поисках минимального дохода все еще прикованы к железнодорожным линиям и окрестностям вокзалов больших городов. За 10 лет классовые отношения в Китае стали соответствовать ситуации все более включающейся в глобальные условия накопления пороговой страны.

Как мы видели, «высвобождение» пролетариата в частично индустриально развитых регионах Восточно-Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с 1990-1991 гг. происходило шоковым путем и в массивном масштабе под диктатом неолиберальной рыночной утопии. Государственные предприятия крупной промышленности и сельского хозяйства либо в значительной степени просто уничтожались (наиболее бескомпромиссно в бывшей ГДР), либо разукрупнялись в соответствии с постфордистскими принципами и подчинялись новейшей технологии «промышленного реинженеринга». В итоге такого смещения дерегулирования и деиндустриализации в течение трех лет возникла массовая безработица, которая, в зависимости от масштабов шока при дерегулировании в отдельных странах (Польше, Хорватии, Эстонии, Венгрии, бывшей ГДР и Словакии), сейчас достигает отметки в 20%. Перспективы выживания этого, сложившегося во многом из центрального индустриального пролетариата относительного перенаселения определяются тем фактом, что на Западе все еще не сформулирована полностью продуманная модель неолиберального «уоркфэра» как своего рода опережающего решения. Для этого все еще нет структурных предпосылок, а потому даже политически вынужденные в последнее время инициативы по сокращению пропасти между «несозидательным разрушением» и минимальным социальным стандартом нового режима накопления институционально оформляются лишь с трудом. Массовое обнищание прогрессирует, и на этом фундаменте в стремительном темпе возникают «неформальные» сектора и сети «самозанятости», которые еще ждут своего широко подключения к стратегии низкой оплаты и промышленных придатков соседнего капиталистического Запада.

В целом, мы продемонстрировали, что исследованная некогда Марксом связь между относительным перенаселением и накоплением капитала вполне дает возможность примерного аналитического приближения к нынешним тенденциям всемирной репролетаризации классовых отношений (38). В результате бескомпромиссной и успешной политики дерегулирования и аграрной политики было создано относительное перенаселение; его пауперизированная основа которого в виде «неформального» сектора мировой системы вторглась из периферии в зоны депрессии и пороговые страны, а теперь закрепились и в гетто метрополий. На нее опирается стремительно растущий слой лиц с неполной занятостью, которые вовлечены в самые разнообразные формы негарантированных трудовых отношений («самостоятельные», надомники, работники на неполное время, работники по контракту, работники на определенное время) и соединяют сферу «потовыжималок» «неформальной» экономики с «формальным» сектором образования капитала. Его «активная армия работников», в силу этого, не только испытывает все более острую конкуренцию со стороны «негарантированно» занятых, но и вынуждена в процессе ее форсированного «разжижения» все больше сближаться в структурном отношении с негарантированными, бесправными и подверженными сверхэксплуатации секторами с низкой оплатой труда. Если в одном из сегментов этой чем дальше, тем больше переплетающейся цепочки извлечения прибыли возникает сопротивление или если в нем ощущается необходимость сверхпропорционально снизить расходы на рабочую силу, то для финансистов и предпринимателей открываются все более благоприятные условия для действий. Они могут перенести ставшую «критической» зону производства «горизонтально» - в места с

более низкими расходами на рабочую силу, - или опустить ее «вертикально», поскольку глобализация капитала, вследствие крайнего удешевления транспортных издержек и новых коммуникационных технологий, совпадает и со все большей мобильностью его постоянных частей.

Этими возможностями разжижения всех уровней занятости все в большей мере затрагиваются и высококвалифицированные слои трудящихся. Компьютерные концерны калифорнийской Силиконовой долины, к примеру, закрыли теперь целые проектные отделы в местах размещения своего производства и вновь открыли их в бывших московских исследовательских институтах. Индийские специалисты по информатике всего за одну двенадцатую часть прежних расходов на рабочую силу обеспечивают в компьютерной технологии текущую инновацию программного обеспечения, в то время как трудоемкие массовые компоненты корпуса и деталей изготавливаются обученными работниками в свободных производственных зонах периферии. При анализе этих - и других - диверсифицированных в мировом масштабе цепочек извлечения прибавочной стоимости никогда не следует, однако, упускать из виду, что решающей предпосылкой для них стало глобальное образование промышленной резервной армии. Ее отдельные составные части - скрытая, текучая, застойная и пауперизованная, по терминологии Маркса - развились повсюду одинаково в качественном отношении. Они различаются по количественным масштабам и по своим возможностям получения дохода и выживания, в зависимости от уровня развития процесса капитализации от страны к стране, от континента к континенту.

При этом и на сопоставимых ступенях развития наблюдаются существенные расхождения. Так, среди «застойных» секторов промышленной резервной армии в Италии преобладают «самостоятельные работники» (около 35% всех занятых), в то время как в Англии или Германии важнейшей формой проявления негарантированных трудовых отношений стала занятость на неполное время или на определенный срок. С этими различиями контрастируют, в свою очередь, явные тенденции к большей однородности, например, приближение все менее гарантированных нормами социального государства способов существования безработных континентальной Европы к возникшим под принуждением системы «уоркфэра» секторам низкой оплаты труда в Англии и США. Все многообразие новой неполной занятости, равно как и панорама вытекающих из пауперизма внутригосударственных и международных миграций, могут быть в первом приближении сведены к общему знаменателю, исходя из понимания исследованной Марксом связи между накоплением капитала и существованием промышленной резервной армии.

Тем не менее, есть и новые феномены, вызывающие новые вопросы, а частично и позволяющие по-иному взглянуть на прежние дискуссии о классовом анализе.

На первом месте следует поставить тенденцию к изменению структуры рабочего класса с точки зрения иерархии на возрастной и половой основе. По всему миру занятые части пролетариата омолаживаются, дети из пауперизованных сфер включаются в производственные процессы на периферии и полупериферии; в прекаризованных трудовых отношениях по сему миру растет доля женщин. В гораздо большей степени, чем мог предполагать Маркс, капиталисты «неформального» и «потогонного» сектора используют труд детей, считающихся особенно «понятливыми». Ведь им можно манипулировать еще более гибко, чем женским трудом. Женщины же воспринимаются на всех стадиях цепочки получения прибавочной стоимости как основной рычаг для дерегулирования трудовых отношений вообще и представляют собой в негарантированных секторах основную массу занятых. Таким образом, детский и женский труд, вопреки прогнозам Маркса, окончательно стал уже не зависящей от циклов составной частью режима накопления. Его можно рассматривать как гарантию для почти что увековечения флексибилизированных трудовых отношений. Предпосылкой же для этого служит «социальный консенсус» снизу: на периферии и полупериферии: заработки детей и женщин очень важны в условиях, когда доход рабочих и крестьянских семей сокращается (так как в ситуации жестких патриархальных обществ сверхэксплуатация женского и детского труда является, по крайней мере, в период кризиса, общественно приемлемой), а негарантированная женская работа в метрополиях часто служит единственной возможностью для финансирования неоплачиваемого труда в сфере воспроизводства или для ухода от патриархальных отношений малой семьи. Так возраст, пол и женский труд в сфере воспроизводства в большей мере, чем в предшествовавшие периоды накопления, становятся важнейшими проблемами при переформировании классовых отношений.

С расширением детского и женского труда, во-вторых, связан рост несвободных форм труда. Это, прежде всего, дети и женщины, которые в контексте «принудительной торговли» за счет неоплачиваемой работы по контракту «погашают» долги семьи, вносят арендную плату или

«оплачивают» жилье. Но есть и множество дополнительных аспектов, которые накладывают на складывающийся новый режим накопления черты принудительного лишения рынков рабочей силы их товарного характера (decommodification). К ним относится с самых недавних пор вышеописанный переход в метрополиях к «уоркфэру» в отношении длительных безработных, а также тенденция к коммерциализации секторов нового пауперизма, попавших в категорию преступников - здесь также тон задают США с их миллионом человек в системе постфордистского ГУЛАГа (39). К тому же со времени перехода к всемирной дерегуляции усилились тенденции к тому, чтобы в долгосрочной перспективе поддерживать на низком уровне и оплату труда на индустриальных плантациях и в свободных производственных зонах. Для этого давно существующие запреты на организацию профсоюзов сочетаются с продуманными механизмами ограничения свободы. Если Маркс ошибочно считал роль женского и детского труда при образовании капитала скорее второстепенной, то в случае с несвободным трудом он, как кажется, ошибся еще основательнее. Изменяющийся режим накопления - еще раз - доказывает ложность надежды на прогресс, согласно которой капиталистическое развитие во всем мире несет с собой «освобождение труда».

В-третьих, независимо от уровня развития и места размещения, внутри глобальной цепочки извлечения прибыли распространились трудовые отношения, в которых наемные отношения либо присутствуют в скрытом виде, либо вообще отсутствуют. «Самостоятельный работник» в отношениях с капиталистом уже не обменивает свою рабочую силу на заработную плату, а ставится в положение лица, выполняющего заказ, которое предлагает и продает продукт своего труда заказчику в рамках делового соглашения. Здесь происходит, таким образом, лишение труда товарного и наемного характера (decommodification, desalarisation), что на первый взгляд чуждо вышеописанным тенденциям экономического и внеэкономического принуждения и противоречит им. Однако видимость «депролетаризации» в большинстве случаев является обманчивой, поскольку сохраняется резкое разграничение между «самостоятельными рабочими» и «новыми самостоятельными», которые, в отличие от «самозанятых» живут не за счет собственного труда, а за счет рабочей силы других как предприниматели или «субконтрактники». На капиталистической периферии и в зонах депрессии на Востоке «самостоятельные работники» сейчас составляют ядро «неформального» сектора, лишившись работы в дерегулируемом «формальном» секторе экономики. Но и в пороговых странах и метрополиях они - с доходами ниже средних и сверхдлинным рабочим временем - стоят на низкой ступени пирамиды рынка труда, хотя обладают самым разным уровнем квалификации. Речь идет по преимуществу о людях, которые сменили свой социальный статус в попытке убежать от длительной безработицы. В этом отношении они разделяют судьбу «пролетаризирующихся» и «кустарей-поденщиков за свой счет» из прошлых производственных эпох. Эти слои когда-то воспринимались консервативными немецкими социал-экономами как важный барьер против марксистского рабочего движения. Но по сравнению с прежней индустриализацией с ее издателями-ремесленниками, с экономическими кризисами рубежа веков или эпохи Великой депрессии можно установить существенные различия. Сегодняшние «пролетаризирующиеся» уже не являются конъюнктурным или преходящим явлением, они служат важной и долговременной составной частью нового режима накопления. Они приходят уже не из отдельных секторов экономики, а из всех отраслей и включены практически во все сферы машины эксплуатации, особенно в новые растущие отрасли транспорта и услуг. Все это должно служить достаточным основанием для того, чтобы заново рассмотреть их политическую роль. Вместо того чтобы возрождать ощущения исторического фатализма марксизма прошлого, нам следовало бы заняться критическим рассмотрением понятия пролетарского класса, которое во многом не совпадало с реальностью уже до нынешнего упадка рабочего класса крупной промышленности.

Но даже и по принципиальным соображениям следовало бы расширить марксов анализ взаимосвязи между промышленной резервной армией и активной армией работников в процессе накопления. Со всей очевидностью, сегодняшние различные компоненты относительного перенаселения уже не просто воздействуют извне на рабочее ядро в крупной промышленности, «разжижая» его и сбивая зарплату. Они уже сами стали интегральной составной частью тесно переплетенных друг с другом и многослойных отношений эксплуатации, причем теперь сфера пауперизма с ее «неформальным» сектором вносит вклад в производство прибавочной стоимости (40) как его низшая ступень. То, что Маркс в свое время, возможно, справедливо определял как «мертвые издержки» образования капитала, как «инвалидный дом» или «мертвый груз» пролетариата, образует теперь основу и исходный пункт многослойно возвышающейся над ним эксплуататорской пирамиды. Это тем более относится к стремительно растущей и комплексно действующей сфере неполной занятости. Капитализм претендует сегодня во всех

формах на то, чтобы «занять» неимущих любого происхождения и вида, интегрировав их в свою цепочку получения прибавочной стоимости. За кампаниями создания все новых секторов с низкой оплатой труда скрывается ни что иное, как попытка в принципе ликвидировать безработное существование неимущих и свести все жизненные проявления пролетариев к индивидуализированной трудовой муке. Ведь если теоретикам и практикам неолиберализма действительно удастся увязать массовую безработицу и пауперизм в многоступенчатую иерархию рынков низкооплачиваемого труда и центральных структур эксплуатации, их модель нового порядка сможет окончательно укрепиться и при полном отрицании «решительных реформ» кейнсианства надолго стабилизировать новый цикл субнормального роста. Вместо «мертвых издержек» нового издания «закона о пауперах» тогда остался бы только пролетариат с неполной занятостью по всему миру с постоянно мобильными и все быстрее заменяемыми ядрами активной армии работников.

Перед лицом этой перспективы было бы уже, вероятно, поздно распознавать метки времени и делать на их основе новые выводы. Главная функция относительного перенаселения состоит уже не только в укрощении центрального рабочего класса извне, а дополнительно к этому - в глобализации эксплуатации до самого низу, вплоть до самого прекаризованного «самостоятельного работника» и последней «потовыжималки». Одновременно капитал пытается присвоить изменившиеся со времени бунтов 60-х - 70-х гг. поведение и альтернативные воззрения пролетариата на труд (41). Поэтому он более чем когда-либо, экспериментирует с ускоренной сменой поколений, с гибкостью рабочего времени, с использованием «пола и гендера», с лишением рабочей силы товарного характера (decommodification), с несвободными формами труда, с деколлективированием структуры найма, со скрытыми или вообще отмененными отношениями найма. При этой тенденции к капиталистической демистификации отношений найма отнюдь не происходит эрозии или ликвидации исторически конфликтного процесса превращения живого труда в переменный капитал, а только индивидуализация и другие методы маскировки угнетения, с тем чтобы как можно более всесторонне и гарантировано увеличивать прибавочную стоимость. В свою очередь, кажется, созрело время для того, чтобы окончательно отложить в сторону марксистскую теорию классово-борьбы, заикленную на свободных трудовых отношениях в крупной промышленности, с преобладанием мужского труда. Мы должны найти выражение для нового соотношения между альтернативными трудовыми потребностями и изменившимися методами капиталистической стратегии подчинения, как они проявляются в понятийных парах: свободные - несвободные, несамостоятельные - самостоятельные, оплачиваемые - неоплачиваемые, построенные на основе иерархии по принципам поколения и пола трудовые отношения. Необходимо актуализированное и методически расширенное понимание классового антагонизма, которое охватывало бы все компоненты изменившихся с 70-х гг. и одновременно столь разнообразно дифференцированных структур эксплуатации. Только так отрицание утвердившегося по всему миру режима накопления вообще может снова разработать конкретные социально-революционные проекты.

***Постфордизм - тойотизм - промышленный
реинженеринг:
к реорганизации капиталистического процесса
производства
за последние 20 лет***

С начала 70-х гг. мы столкнулись с множеством инициатив со стороны менеджеров и фабрик мысли капитала с целью восстановления рентабельности в сфере производства. Предлагались и опробовались самые различные принципы с тем, чтобы взять под контроль неповиновение промышленного рабочего класса и восстановить нормы прибыли, диктуемые стремлением владельцев финансовых состояний к ликвидности. Для этого были необходимы описанные выше изменение общих макроэкономических условий и в еще большей мере - дисциплинирующая функция увеличившейся почти повсюду промышленной резервной армии. Тем не менее, несмотря на эти ощутимые «предварительные достижения», столкновение с трудовыми коллективами предприятий протекало отнюдь не гладко и не триумфально в пользу капиталистов. Явным доказательством этому могут служить хотя бы быстро меняющиеся модели, почти сезонные чередования новых стратегий менеджмента и, не в последнюю очередь, перекрещивания избранных путей. По своему техническому и стоимостному строению (42)

реально инвестируемый капитал, несмотря на все тенденции к горизонтальной и вертикальной мобильности, все еще наименее мобилен и наиболее последовательно вовлечен в столкновение с живым трудом. Удастся ли капиталу действительно обеспечить новый цикл тройного - технического, в сфере организации труда и стоимостного - подчинения рабочего класса, будет определяться, в конечном счете, все еще на уровне предприятий. Исход конфликта на предприятии между рабочими и капиталом служит решающим, окончательным испытанием того, насколько утвердился новый режим накопления, пока он, хотя бы в ограниченных масштабах, может опереться на «согласие» со стороны самих рабочих.

В течение 70-х гг. в более или менее развитой части капиталистического мира вначале преобладали тенденции к преимущественно технологическим изменениям непосредственных производственных отношений. Чреватые возникновением конфликтов подразделения с их по большей части тяжелыми и вредными для здоровья условиями труда автоматизировались, в автомобильной промышленности, к примеру, - сборка кузовов, лакировка и тяжелые работы. Речь шла о «жестких» фазах автоматизации. Они часто соответствовали требованиям рабочих о машинной замене тяжелого труда и не могут на этой фазе рассматриваться однозначно как «технологическое наступление» на трудящихся. Скорее, технология выражала изменение социальной ситуации, которое частью завершило производственный конфликт прошлого, а частью переносило его на иной уровень. Соответственно в ходу были надежды на преодоление проблемы синих воротничков (43) в духе консенсуса. Профсоюзные объединения, заботившиеся о том, чтобы вернуть себе свои функции социальной интеграции, и близкие к ним социологи пропагандировали всеобщую престижность содержания труда и «гуманизацию труда». Часть предпринимательского лагеря также выступала за новое «качество трудовой жизни»: улучшение условий труда должно было идти рука об руку с технологическими преобразованиями, снизить равнодушие, повысить качество изделий и таким образом снова сделать рентабельными сооружения и инвестиции. Те, кто не был доволен этим более или менее социально-партнерским уклоном, могли надеяться на широко распространенный прогноз, в соответствии с которым возможности для радикального решения рабочего вопроса в промышленности обозначатся уже в ближайшем будущем с переходом к полностью автоматизированной фабрике, без живого труда (44).

С начала 80-х гг. подход изменился. Под влиянием всполохов воинствующих атак предпринимателей в Италии, Англии, США и некоторых пороговых странах, а также утвердившегося тем временем по всему миру режима высоких процентных ставок концепция автоматизации, более или менее основанная на социальном партнерстве, натолкнулась на свои границы. Тем не менее, дальнейшее развитие определяли, в основном, внутренние факторы. По сравнению с все более дорожающим использованием капитальных вложений производительность труда отставала. Программы «обогащения» условий труда уступили место резким указаниям менеджеров на то, что трудовые коллективы также должны нести ответственность за сохранение своих рабочих мест. Технологическое вмешательство в структуру производства также приобрело иной характер. «Жесткая» практика автоматизации делалась все более «гибкой» с помощью использования электронной обработки данных. Стратегические пункты контроля должны были образовать трудовые коллективы с помощью компьютеров, эффективных центральных счетных устройств. Одновременно крупные предприятия США, Японии и Западной Европы приступили к горизонтальному перемещению трудоемких сфер. Но ожидавшегося скачка рентабельности не произошло. Многим трудовым коллективам удалось накопить новые производственные знания и использовать свою выросшую по этой причине силу для контроля над производством, сопротивляясь против производственной иерархии и добиваясь улучшения условий зарплаты. Если в отдельных случаях стратегия капитала оказалась в значительной мере успешной, то в целом не удалось автоматизировать сферу монтажа и использовать против работников компьютерный контроль над производством. Интеграция конструирования, калькуляции, управления изготовлением и сбытом на основе электронной обработки данных также повсюду провалилась. Тем самым оказалась блокирована и очередная попытка восстановления рентабельности главным образом за счет технологического обеспечения. Мечта менеджеров о технократическом завершении требования Тейлора об экспроприации и ликвидации не поддающегося расчету рабочего знания не осуществилась, а левые смогли, в свою очередь, похоронить свои ужасные видения доведенного до предела «технологического насилия». В вязкой, подспудной войне трудовые коллективы крупных предприятий снова смогли отстоять свои позиции, и разрыв между ними и руководством предприятий стал еще больше.

Неудивительно поэтому, что лагерь предпринимателей и работающие на него интеллектуалы вскоре объявили о том, что с преимущественно технологическим и капиталоемким подходом к

стойкости центрального промышленного рабочего класса покончено. По всему миру они обратили свой взор на структуры производства, которые характеризовались уменьшением постоянного капитала и высокими нормами прибыли. При этом их взгляд упал вначале на «Третью Италию», где в 70-х гг. в треугольнике городов Милан - Флоренция - Болонья процветала группа тесно связанных друг с другом мелких предприятий. Здесь некоторые сторонники школы Шумпетера (45) вообразили, что они обнаружили оригинальное решение проблемы и сформулировали широкомасштабный план всемирной реорганизации стагнирующих производственных отношений. Подобно тому, как капитализм XIX века привел к торжеству крупного индустриального производства над ремесленными рабочими, так и теперь следовало принять решение векового значения. Ведь в то время как в период Великой депрессии речь шла всего лишь о всемирном утверждении массового производства, далее подталкивавшегося в США к тейлоризму и фордизму, теперь следовало поставить под вопрос сам способ производства. Как и в «Третьей Италии», альтернативой предстояло стать «гибкой специализации» в виде рискованных, способных к инновациям и связанных между собой в сети небольших предприятий, которые в борьбе за постоянно меняющиеся рынки все время приспособивались бы к ним, обновляя свою продукцию. Для этого нужны были высококвалифицированные работники, технологии, применимые к различным способам изготовления, и неутомимые предпринимательские «инкубаторы», которые бы «созидательно разрушали» фордистских ископаемых - крупную индустрию и социальное государство. Апостолы неолиберального деогулирования воспринимали все это с удовольствием. Ведь с лозунгом «инновации идут с небольших предприятий» им, наконец, была предложена концепция, вписывавшая сферу производства в их отвязанную рыночную утопию. Вместо государственной промышленной политики теперь было бы достаточно всего лишь налогового перераспределения в виде скидок и вознаграждения за риск, а бесправие трудовых отношений на небольших предприятиях представало как важнейшая возможность, которая открывалась в сфере рынка рабочей силы. Таким образом вошел в моду «постфордизм». Даже в ФРГ, где философия неошумпетерианского «маленькое - прекрасно» вначале куда сильнее вдохновляла «зеленых» альтернативистов, нежели министерских бюрократов, небольшие предприятия в середине 80-х гг. были полностью изъяты из сферы регулирования трудового права. (На предприятиях с менее чем 5 занятыми нет защиты от увольнения, отсутствует производственный совет, а со времени введения новой редакции закона о содействии труду в 1985 г. сняты ограничения по срокам на временную занятость). В Италии же в конце 80-х гг. насчитывалось уже 2 миллиона «микро-предприятий» с 5 миллионами занятых.

Когда профессора Массачусетского технологического института Piore и Sabel опубликовали это новое «спасительное учение» в форме популярной книги, объект их любви уже находился в состоянии глубокого кризиса. В Италии, США, Англии и ФРГ до середины 80-х гг. две трети всех «вновь созданных» проектов ради выживания провалились в течение 5 лет, независимо от того, шла ли речь о «дочерних предприятиях», привилегированных проектах (franchising), группах «ассоциативных работников», «вольных стрелках», свободных субконтрактниках или «самостоятельных работников». Но остальные выжили, причем проекты приняли характер «потовыжималок». Правилom стал 14-часовой рабочий день с целью выровнять контрактные доходы и зарплату. Одновременно с этим нарастала тенденция к отмене отношений найма. Предприниматели и заказчики перекладывали весь социальный риск на плечи занятых, но этот переход к лишению трудовых отношений наемного характера отнюдь не был связан с «детейлоризацией» производственных отношений. Скорее пробил час финансистов и большого бизнеса: они взяли под свое крыло часть «микро-предприятий» и подняли их до уровня средних поставщиков. Широкая же масса их была подвергнута процессу финансово-организационной предпринимательской централизации без соответствующего вертикального включения в производственные единицы. Так сформировалась новая структура сетевых предприятий с сознательно низким уровнем капитализации типа Бенеттон (46), иерархических цепочек поставщиков, которые поставляли свои промежуточные продукты олигополии, осуществляющей гибкое накопление, в точно установленный срок и по ценам гораздо ниже рыночных.

Такова была - и есть - реальность расхваливаемого неошумпетерианцами «инновативно-созидательного» разрушения: стоящие вне всякого социального контроля пирамиды эксплуатации как новый тип предпринимательства. Они постоянно растут с середины 80-х гг., поскольку в них устремляются новые и новые субконтрактники и самозанятые из массы безработных. Таким путем и в метрополиях была взорвана геттоизированная экономика «неформального» сектора, до тех пор поддерживавшаяся в основном за счет иммигрантов. И в метрополиях всеобщей основой нового режима накопления все больше становилась смесь из

«неформального сектора» и сферы «потовыжималок». Как мы уже указывали в другом месте, «постсоциалистические» вновь созданные проекты ради выживания в Восточной Европе вынуждены были проделать этот в целом почти десятилетний процесс трансформации постфордистской инновационной Мекки в экономику «потовыжималок» за гораздо более короткий промежуток времени. Их положение отличается от положения периферийных производителей теневой экономики в основном тем, что они, как и в метрополиях, по крайней мере, хотя бы частично все еще могут опереться на социальные сети здравоохранения, обеспечения по старости, образования и помощи бедным. В силу этого в Восточной Европе и во многих странах-метрополиях грань между финансово обеспеченным безработным состоянием, неполной занятостью на вторичных рынках рабочей силы и «неформальным» сектором часто все еще зыбка.

Если идеология постфордизма была таким образом «опробована» в растущих нишах рынка, она не дала ответа на вопрос, как преодолеть продолжающийся кризис рентабельности крупных индустриальных центров. Ведь полностью перевести инвестиции из огромных объектов сферы реального капитала в мелкие ремесленные производственные единицы было и остается невозможным. Скорее произошло иное: речь шла о попытках придать им вместе с поставщиками такую гибкость, чтобы сократить разрыв со сферой сверхэксплуатации на новых сетевых предприятиях или скопировать их структуру в масштабе крупных предприятий. Это, в свою очередь, требовало окончательного отказа от стратегий реорганизации, в основе которых лежали преимущественно технологические и капиталоемкие инициативы, и обращения к интегрированным концепциям менеджмента, делавшим упор на организацию труда и приближавшим структуру предприятий к пирамидальным структурам реального постфордизма с помощью сокращения числа этапов изготовления и с помощью выделения компонентов. Так за модой на постфордизм пришло внимание к производственной структуре японских семейных концернов «дзайбацу», которые с середины 70-х гг. получали сверхпропорционально высокие прибыли и производили на шефов транснациональных концернов Запада гораздо более сильное впечатление, чем успехи Бенеттона. В то время как высокопоставленные исследовательские группы, прежде всего в автомобильной промышленности, активно занимались причинами успеха экспансии этого «новичка» Трехсторонней комиссии и подписывали первые соглашения о создании совместных предприятий с «Хондой», «Ниссаном» и «Тойотой», их фабрики мысли занялись публицистической обработкой «японского вызова». И стало ясно, что на очереди - заимствование «тойотистской» модели накопления, хотя бы даже ограниченное. Ведь, с одной стороны, следовало замазать лежавшие в ее основе пропасти деспотизма «предприятия-общины», а с другой, - подготовить почву для согласия с ухудшением условий труда и снижением ставок зарплаты с помощью разжигания дискуссии о «национальной» конкурентоспособности.

Что действительно скрывается за «тойотизмом», мне самому стало понятно только после интенсивного изучения материала. Речь шла ни о чем ином, как о синтезе нацистской техники умиротворения лишенного профсоюзов рабочего класса с англо-американской стратегией «кадрового менеджмента» - или «профсоюза компании» - 20-х гг., обогащенной возникшими в 50-х гг. в американской ракетной промышленности «кампаниями за качество» («нулевой дефект»). С учетом такой исторической подоплеки, стратеги капитала «демократического» Запада сочли более умным оставить в покое собственные «традиции» и, вместо этого, воспользоваться опытом наиболее удачливого конкурента на мировом рынке в идеологически-концептуально замаскированной форме. Посмотрим, как был устроен «тойотизм» до своего «кризиса лояльности», наступившего в начале 90-х гг.

Японский монополистический капитал различным образом разделял рабочий класс на герметически отделенные друг от друга «миры компаний». Для этого ему, со времени первой кровавой расправы с японским профсоюзным движением в 1953 г., потребовалось более 25 лет, но его менеджерам удалось за это время на всех ключевых предприятиях в ситуации острых конфликтов создать послушные «профсоюзы компаний» или «советы труда и менеджмента» и превратить их в гаранты своего господства. В эти желтые профсоюзы входили только лица с прочной занятостью - но зато принудительно. Помимо крайне низкой базовой ставки зарплаты (часто лишь 15% общего заработка), они получали по достижении определенного стажа ступенчатые выплаты и ежегодные премии, размеры которых заново ежегодно индивидуально определялись менеджментом на основе «оценки способностей». К этому добавляются социальные услуги, предоставляемые предприятием, такие как заводское жилье, кредиты на постройку собственного жилья, с помощью которых прочно занятые дополнительно привязаны к предприятию вплоть до момента их выхода на пенсию в 55 лет. Внешние механизмы разделения усиливаются тем, что городское и региональное управление мест размещения

предприятий чаще всего полностью находятся в руках «дзайбацу», так что «мир компаний» неизбежно превращается в «страну компаний». За верхней третью пирамиды трудового коллектива идет слой насильственно неорганизованных в профсоюзы рабочих, которые поставляются внешними фирмами или фирмами, обеспечивающими временное предоставление рабочих рук, на основе договоров на определенный срок и получающими отдельно гораздо более низкую зарплату. В основе пирамиды - люди с негарантированной занятостью со всеми возможными формами незащищенных нормами трудовых отношений. Уже в 70-х гг. они составляли в некоторых отраслях, например, на 5 крупнейших сталелитейных предприятиях, почти 60% трудового коллектива и содержались зачастую принудительно до конца срока контракта в «спальных компаниях». Горизонтальная, опять-таки разбитая на 5-6 ступеней, цепочка поставщиков довершала превращение этой системы вертикального разделения в конгломерат концерна. Занятые в этом конгломерате иногда обеспечивают на основе точно заданных цен, сроков поставок и стандартов качества до 75% суммарного производства. Иерархия эксплуатации простирается вниз вплоть до семейных домашних ремесленных единиц, которые получают лишь 20% зарплаты поставщиков первого порядка.

На фоне этой системы трудового «огораживания», которая, по сравнению с фордизмом, отличалась заметно более низкой долей постоянного капитала и была ориентирована на существование неустойчивых и недозагруженных мощностей, японские предприниматели в середине 60-х гг. развернули программу дополнительного внутреннего разграничения. В «кружках качества» рабочие, имеющие твердые места, обучались чувствовать себя не только отдельными частями «мира компании», но и рассматривать свою ситуацию с занятостью с точки зрения менеджмента. Лишь здесь нашло свое завершение перевоспитание активистов, социализированных профсоюзами, в передаточный механизм для выполнения целей предпринимателя, подающий риторические и постоянные сигналы-отчеты. Поэтому предприниматели в большинстве случаев должны были еще дополнительно вмешиваться и «направлять», пока «ястребы» не возобладали в «кружках качества» и действительно не начали постоянную передачу производственных знаний наверх. Как это с тех пор происходит, постоянно исследуется разгромленными кадрами отраслевых профсоюзов. Во многих случаях администрация ограничивается общими заданиями и выжимает из работников определенную квоту рационализаторских предложений. Но нередко решаются и настоящие проблемы менеджмента, например, проблема сверхпропорционального снижения издержек при недозагрузке производства. Не говоря уже об общем опыте бессилия, почти все твердо занятые на крупных предприятиях с конца 70-х гг. проявляют готовность к этому, поскольку последствия их рационализаторских предложений ложатся прежде всего на работников внешних фирм, негарантированно занятых и поставщиков. Но в некоторых сферах сталелитейной и кораблестроительной промышленности иногда даже твердо занятые позволили наполовину рационализировать и перевести на другую работу самих себя, поскольку увольнения с «дзайбацу» среди них практически ограничивались «нелояльными» и профсоюзными активистами. Лидерами «кружков качества» являются по большей части функционеры профсоюзов фирм. Если мы заменим эти желтые профсоюзы термином «Немецкий трудовой фронт», то в остальном обнаружим соответствие «рабочим комитетам» в нацистской военной промышленности, а «советы по труду и менеджменту» будут аналогичны нацистским «советам доверенных лиц». Однако то, что в нацистской Германии так и не вышло за пределы экспериментальной стадии, в Японии действовало на протяжении всего цикла накопления в условиях мирного хозяйствования. Отталкиваясь от насильственно насажденных извне мер разделения, стабилизировались производственные отношения, чьи ставшие всем известными и пропагандируемые инновации - «гибкая фабрика», «кружки качества» «интегрированное производство», «тотальный качественный менеджмент», «своевременность» (just-in-time) (47) и т.д. - без всякого сомнения, восходят к ставшему постоянным перетеканию производственных знаний пролетариата (кайдзен) (48) в каналы менеджмента.

Эта констатация не умаляет достижения инженерно-научных «инкубаторов» качества. Такие люди, как Таити Оно, изобретатель системы Тойоты, играли большую роль, особенно на начальной стадии. Несмотря на меры внутреннего и внешнего замыкания, принудительная «верность» квалифицированных рабочих первого уровня и в случае Тойоты оставалась бы векселем на будущее. Оно соединил ритмы фордистской конвейерной технологии с моделью «супермаркета», введя систему контрольных карточек (канбан) (49), позволяющую свести все компоненты и части к одной единице измерения - точной десятичной минуте. Таким образом, ставилась задача обеспечить для центральных производственных пунктов прозрачность процесса изготовления, которая делала возможными постоянные смены размещения и передвижения центров тяжести внутри длинных цепочек поставок. Одновременно можно было

обеспечить единый стандарт операции на всех стадиях изготовления, что позволяло из-за отсутствия буферов немедленно выявлять все остановки и потери времени и сделать трудовой ритм чрезвычайно уплотненным. Только после успешного введения этого третьего уровня разделения в сфере организации труда японские менеджеры смогли, наконец, перейти к тому, чтобы спроецировать «кружки качества» на уровень изготовления в виде «бригадного труда», отводить работникам больше последовательных операций в рамках цикла и в растущей степени передавать функции предварительной работы вместе с функциями контроля и надзора крайне иерархическим производственным группам. Руководители «кружков качества», бригад и низовых структур профсоюзов фирм, чаще всего совмещающие эти должности в одном лице, стали низшей точкой включения тотального господства на предприятии. Они превратили внутригрупповую конкуренцию наемных работников друг с другом в длительное явление, перевели свое производственное знание в постоянную практику рационализации, довели свою производственную отдачу до крайних границ физической и духовной нагрузки и подвергали всех, кто по каким-либо причинам тормозил производственный поток, санкциям групповой дисциплины и сокращению премий.

Так осуществилась система «менеджмента посредством стресса», которая смогла так долго работать только потому, что администрация фирм добилась всесторонне гарантированной организационной монополии над трудовыми коллективами. Японский рабочий класс был принужден молчать и покоряться, поскольку долгое время не имел возможности уйти из ада, навязанного ему через «профсоюзы компаний» на низовом уровне. Он был обречен на «верность» действительно «тотальным предприятиям», которые воспроизводили, на первый взгляд, несокрушимое отождествление с «фабрикой-общиной». На всех уровнях, в том числе среди прочно занятых, повседневный опыт бессилия в этом тотальном консенсусе все время подтверждался судьбой отдельных «диссидентов». На некоторых концернах, например, на «Сони», новое время начиналось с надолго оставившего следы насильственного содержания вновь составленных трудовых коллективов в казармах. И теперь отклоняющееся от нормы поведение или выступление против решений «кружков качества» либо профсоюзов фирм повсюду карались с крайней жестокостью. Ведь без консенсуса, постоянно воспроизводимого и выполняемого всеми, вплоть до последней поденщицы, система не работает. Она крайне уязвима и может быть выведена из равновесия даже минимальными отклонениями от нормы на периферии. Символические ритуалы, вроде исполнения гимна фирмы, утренних обращений и т.д., как и в нацистские времена, служат поэтому целям постоянной профилактической идентификации индивидуальных «очагов кризиса». К этому добавлялись ежегодные «оценки способностей» как жесты подчинения целям предприятия. Казалось, будто на наших глазах патология рабочего класса, обреченного в 20-х - 30-х гг. нашего века во многих странах на горькое молчание, сгущается в чудовищный синдром. Эту сторону «тойотизма» следует решительно подчеркивать, чтобы показать, на что стали полагаться менеджеры «свободного Запада» в своих поисках долгосрочного повышения рентабельности в 80-х гг.

Однако когда групповые концепции «гибкого производства» достигли своего пропагандистского зенита, один из рабочих «Ниссана» уже рассказывал на конференции левых профсоюзных групп в Барселоне (1991 г.) о первых явственных трещинах на их родине. Чрезмерный духовный и физический стресс поразил трудовые коллективы и стал очевидной проблемой. Новое поколение рабочих все больше отказывалось подчиняться разграничениям. Практика «just-in-time», порождая огромный объем транспортных потоков, приводила во все большем числе агломераций к транспортному параличу и разрушала окружающую среду. Возникло новое левое базисное (50) движение - организация временных рабочих и иммигрантов из низшей сферы поставщиков в «коммунальные профсоюзы». Обо всем этом адепты принципиального решения проблемы рентабельности и слышать не желали, ведь они уже очень сильно приблизились к «японскому варианту». Заимствование и использование нового японского целостного производственного учения шло в 80-х гг. на трех различных уровнях: во-первых, в самых разных формах экспорта капитала в пороговые страны Юго-Восточной Азии, во-вторых, путем создания совместных предприятий - «трансплантов» в Северной Америке и Европе, и, в-третьих, как собственное достижение всего мирового автомобильного капитала, который при переоборудовании своих производственных объектов действовал как авангард всеобщего внедрения «гибкого производства» (51).

Экспорт «тойотизма», в котором, наряду с крупными японскими автомобильными концернами, после ревальвации иены участвовали и их поставщики первого и второго порядка, на юго-восточно-азиатской периферии осуществлялся в значительной мере как копирование. Во многих случаях менеджеры использовали при этом этнические конфликты, чтобы разгромить неугодные им профсоюзы, насадить покорные предпринимателям «профсоюзы компаний» и в

быстром темпе осуществить соединение мер разграничения с тройным расколом трудового коллектива, главным образом, с помощью политики зарплаты. Параллельно с этим с опорой на «неформальный» сектор воздвигалась цепочка поставщиков. Напротив, «кружкам качества» и связанным с ними мерам подготовки придавалось меньшее значение, и , закрепленные на уровне куда ниже японского заработной платы и продолжительность рабочего времени в среднем в 60 часов свидетельствовали о дополнительных экстенсивных формах эксплуатации. Подобный экстремистский вариант японской модели мог поддерживаться только в условиях политической диктатуры: «профсоюзы компаний» действовали в контексте полицейского надзора и официальных правительственных кампаний за «фабрику-общину» в масштабах всего общества. Поэтому рабочее сопротивление приняло непосредственно политический характер, и это способствовало одновременно слабости этой копии «тойотизма». Во время южнокорейского «горячего лета» 1987-1988 гг. ее обоснованность была ввергнута в глубокий кризис рабочим и массовым движением и она до сих пор не оправилась от него, что оказало влияние на всю Юго-Восточную Азию. Утвердились базисные профсоюзы, атаковавшие раскольническую структуру зарплат, начиная с низших ступеней иерархии, и начавшие длительный процесс правового оформления условий труда. Чтобы достичь нового «статус-кво», технократы и менеджеры стран, которые с недавних пор стали называть «новыми индустриальными», вынуждены были обратиться к практике, выходящей за рамки первоначального «тойотизма». С одной стороны, они продолжали делать на него ставку, расширяя цепочки «субконтрактов» и направляя сохранившее лояльность меньшинство рабочих в качестве будущих руководителей бригад на повышение квалификации в японские производственные центры. С другой, они согласились на введение индивидуальных заработков, ориентированных на результаты труда, несколько сократили крайности сверхурочного труда и ввели обширные проекты автоматизации и роботизации конфликтных участков. В общем и целом, «тойотизм» был остановлен у своей домашней двери. Следовательно, приходилось искать новые сферы вложения и извлечения прибылей у более удаленных соседей. В своей первоначально юго-восточно-азиатской структуре автомобильные концерны начали, вместе с также затронутыми дестабилизацией иными отраслями, перебраться в Китай, Индонезию, на Филиппины, в Кению и Египет.

Решающее испытание способности «гибкого производства» стать всемирным образцом структуры производства предстояло, однако, в Северной Америке и Европе, что еще в 1981 г. предсказывал Мартин Глэберман. Ключевую роль играли при этом «транспланты», созданные транснациональными корпорациями западной автомобильной индустрии с начала 80-х гг. в виде практики «совместных предприятий». Добрый десяток таких крупных фабрик до сих пор существует, о 5 из них постоянно сообщают уже ряд лет. При этом выяснилось, что элементарными предпосылками для действия японских методов производства служат ликвидация или отсутствие у трудового коллектива любой способности к коммуникации и действиям. Это имело место прежде всего там, где, как на предприятии «Дженерал моторс» и «Тойоты» «NUMMI» во Фремонте (Калифорния), предшествовавшие массовые увольнения и закрытие предприятия сделали возможным найм полностью нового трудового коллектива, или где, как в Англии, новые фабрики создавались на пустом месте, и менеджеры могли не только, в соответствии со своими принципами, пользоваться массовой безработицей в регионе, но и обеспечить наиболее приемлемому для них профсоюзу организационную монополию на предприятии, выбрав его из целой группы «претендентов». В этих случаях коллективы оставались неопытными, а профсоюзы - ослабленными или достаточно готовыми к уступкам, чтобы допустить довольно близкое приближение к японскому стилю менеджмента. Представительства профсоюзов на предприятиях со всей очевидностью превратились в придатки отдела кадров.

Но поскольку от других важнейших условий - разграничений, крайне иерархической пирамиды заработков и т.д. - пришлось отказаться, администрация предприятий тем сильнее сконцентрировалась на репрессивных мерах организации труда. Был увеличен темп работы, простои компенсировались переносом на группы, запрещено использование «летунов», а бригадный труд превращен в инструмент углубленной тейлоризации этапов труда. Большого, нежели точная настройка и уплотнение заданной трудовой практики, группам доверено не было. Таким образом, все компоненты системы могли быть доведены вплоть до самой границы переносимого, и именно отсутствие буферов позволяло мастерам и руководителям групп постоянно присваивать все время возникающее новое знание непосредственных производителей, специализирующихся на определенных сериях трудовых обязанностей. Параллельно с этим «ускорением» внутри предприятия, на традиционно независимых поставщиков были надеты поводья системы «just-in-time», им навязали новую иерархию и повышенные требования качества. Однако все эти воистину впечатляющие эксперименты

удалось продолжить лишь с помощью постоянных угроз (со стороны администрации) закрыть предприятие. Таким образом, она добивалась временного самоотожествления работников с их жутким «миром компании» и компенсировала отсутствие японских механизмов разграничения, не будучи, однако, в состоянии помешать созданию оппозиционного профсоюзного течения. Подобные методы «взаимных уступок» непосредственно на уровне предприятия, разумеется, отнюдь не служат стабильной практикой долгосрочной амортизации объектов и обеспечения цели получения прибыли.

Еще более разочаровал возлагавшиеся на него надежды второй вариант эксперимента с «трансплантами». Правда, и администрации других новообразованных американских или канадских предприятий получили весьма благоприятные стартовые возможности. Они в значительной мере смирили местные отделения профсоюзов автомобилестроительных рабочих, ввели 6-дневную рабочую неделю, наложили заводские штрафы на «лодырей» и обеспечили быструю работу оборудования после впечатляюще короткого времени освоения. Но почти во всех случаях очень скоро возникли оппозиционные профсоюзные группы, которые - в совокупности с замедлением работы и короткими стачками - постепенно отгеснили этот «контроль над трудом». На совместном предприятии «Форда» и «Мазды» во Флэт-Роке (Мичиган), к примеру, руководители групп теперь снова выбираются самими группами, сроки, установленные для отдельных трудовых этапов, не должны больше сокращаться, а бригады не принуждаются к компенсации простоев. Если прибавить к этому отвоёванное повышение зарплаты, становится ясным, что несомненно достигнутые приспособления структур предприятия к более гибкой производственной практике, уменьшение капиталоемкости, быстро меняющаяся степень загрузки мощностей и ускорившийся рост производительности не сопровождаются сверхпропорциональным снижением расходов на рабочую силу. Без строжайшего перераспределения способностей к коммуникации и действиям, передачи знаний от трудящихся к менеджменту на японский лад, «тойотизм» не может добиться скачкообразного роста уровня прибылей. Прорыв, о котором говорили с такой эйфорией, не состоялся. Вначале в Южной Корее, затем в метрополиях Запада, а затем и на родине системы «гибкого производства» рабочие поставили ей четкие пределы

Тем не менее, эксперименты с «трансплантами» имели ощутимые преимущества по сравнению с предшествующими техноёмкими и капиталоемкими концепциями менеджмента. Для всех тех, кто стремился воспользоваться ею, но по причине больших капитальных размеров своих объектов не мог воспользоваться моделью Бенеттона, отныне открывалась целая копилка идей и концепций, из которой можно было заимствовать компоненты, обещающие успех в деле приспособления предприятий к более гибким рынкам и повышения производительности труда и уровня эксплуатации. С середины 80-х гг. автомобильные концерны Запада, непосредственно участвовавшие в совместных предприятиях, начали переносить концепцию бригад на свои уже существующие производственные объекты. Они ввели групповой труд, прежде всего, на стыках между изготовлением и контролем качества. Они повысили долю работников предприятия, нанимаемых на ограниченный срок, уменьшили «глубину» производства и установили цепочки непосредственной зависимости поставщиков. На место гибкой автоматизации все больше приходили гибкие трудовые отношения, ведь только так можно было постепенно подточить твердость трудовых коллективов и добиться более интенсивного использования их рабочей силы. В пороговых странах администрации концернов, напротив, использовали и более жестокие меры. Например, после того, как менеджмент «Форда» построил на пустом месте в северо-мексиканском Эрмосильо новую фабрику со сплошным бригадным трудом, работающую на мировой рынок, он приступил к делу и на своем дочернем предприятии в Кауититлане под Мехико, уволил весь персонал, снова нанял его за исключением профсоюзных активистов, подчинил его дисциплине «кружков качества» и обеспечил начавшуюся реструктуризацию с помощью заводского профсоюза, действующего методами мафиозного насилия. Столь же жестоко действовал в последнее время в Мексике «Фольксваген». Еще более показательны, чем такие громкие события в пороговых странах, незаметные успехи в интенсификации. Руководство «Фиата» объявило о своей приверженности «тойотизму» в октябре 1989 г., французские, шведские и западногерманские автомобильные гиганты последовали за ним на своих предприятиях в метрополиях в начале 90-х.

В настоящее время модели гибкой организации труда «тойотизма» давно уже перешагнули рамки автомобилестроительного сектора. При этом групповой труд, «гибкое производство» и иерархическая организация отношений поставщиков претерпели самые разнообразные изменения. В электронной и текстильной промышленности, к примеру, «бригадный труд» все больше приобретает характер информатизированного тейлоризма, причем соединяются вместе групповой труд и «компьютерное интегрированное производство». Строительные предприятия,

напротив, оценили возможности интенсификации труда с помощью «менеджмента посредством стресса» и экспериментировали с новыми формами обычного бригадного труда. Примеры можно продолжить, особенно в сфере услуг, которой предстоят огромные скачки рационализации (52). В этом широком распространении группового труда важны, однако, качественные феномены: все больше наводятся мосты между постфордистским принципом Бенеттона и теми частично тойотизированными средними и крупными предприятиями, которые до сих пор еще сохраняют вертикальную структуру производства и соответственно «центральные» группы коллектива. Совершенно очевидно происходит конвергенция, при которой осуществлявшиеся до сих пор по отдельности стратегии движутся навстречу друг другу в сторону объединения мелких предприятий в крупно-предпринимательские сети и «гибкости» транснациональных концернов. В тенденции дело идет к образованию нового смешанного типа. Важную роль сыграло при этом, без сомнения, и дерегулирование находящихся в сфере смешанной экономики предприятий транспортного сектора и телекоммуникации. Серджи Болонья недавно так описал наметившийся результат: возникают предприятия в форме звездообразной сети (53), чьим кровообращением служит дешевеющая сфера транспорта. Прежние различия между коллективом-ядром, работающим на основе твердой занятости, и побочными коллективами стираются, равно как и разграничение между центральными структурами предприятия и их поставщиками. В вертикальном и горизонтальном отношении возникают новые иерархии эксплуатации по принципу зарплаты и рабочего времени, а также по степени гарантий трудового и социального права. Параллельно с этим все большая часть прежнего наемного труда превращается в авторитарно индивидуализированные отношения заказа.

Происходит ли таким образом сплав типов Бенеттона и Тойоты в новую структуру производства нового режима накопления? От «тотально качественного менеджмента» европеизированного и северо-американизированного «тойотизма» она явственно отличается тем, что происходит не прогрессирующая оптимизация уже имеющихся производственных отношений, а максимально возможная ликвидация «нормальных» трудовых отношений. Практики «промышленного реинженеринга» не делают секрета из того, что он затронет не только производственные коллективы. Под давлением могущественных ведущих менеджеров крупные предприятия должны быть разложены на руководящие единицы с подчиненными им проектными сферами, ориентированными на производство. Во главе проектов встанут руководители, которые для конкретных заказов будут на временной основе составлять бригады разработчиков, конструкторов, программистов, изготовителей и экспертов по маркетингу. Все, что может быть стандартизировано при реализации отношений клиент-обслуживающий, должно приобретаться, сниматься или арендоваться по мере надобности. От прежней структуры концерна останется и сохранит твердую занятость лишь верхушка менеджмента как планирующая головка и «профит-центр». Если это последнее слово стратегии менеджмента будет осуществлено, для всех рабочих, а также для сокращенных по рационализации менеджеров всех ступеней иерархии ниже верхушки будут действовать только негарантированные наемные и контрактные отношения. В конце 25-летних дискуссий о предприятиях стояло бы полное разжижение рабочего класса вплоть до самых высших уровней квалификации, который полностью перешел бы в разряд «застойной» части промышленной резервной армии. Сам способ производства стал бы идентичен методу Голливуда. Менеджеры проекта добывают деньги, нанимают актеров, ассистентов режиссера, операторов и техников, и после изготовления фильма возвращаются на рынок, чтобы найти новый заказ. В этом случае способ производства по причине своей чудовищно возросшей гибкости и мобильности был бы максимально приближен к деньгам как наиболее подвижной форме капитала: от супермаркета «Тойоты» и сетевого предприятия Бенеттона к голливудской премьере непосредственно рядом с казино международного финансового капитала. С микроэкономической точки зрения, это было бы, несомненно, гениальным способом оптимизации норм прибыли, поскольку все факторы издержек были бы устранены, насколько это вообще возможно. Но кто защитит капитализм казино и Голливуда от издержек, которые он теперь в максимальной мере взваливает на пролетариат, общество и природу, и которые снова вернутся в его игровые залы и миры СМИ?

Гомогенизация (новая однородность) пролетариата

...Во-первых, на основе всемирного высвобождения относительного избыточного населения на всех стадиях развития капитала пролетариат заново *равномерно* формируется во взаимоотношениях между промышленной резервной армией, неполностью занятыми и активной армией занятых - *структурная гомогенизация* посредством ликвидации дохода вне труда

(социальных выплат), массовых увольнений в глобальном процессе дерегулирования и аграрно-капиталистического уничтожения натурального сельскохозяйственного производства.

Во-вторых, следует сделать вывод о том, что этот реконструируемый по всему миру пролетариат во всех своих слоях от рабочих современных промышленных групп до негарантированных работников, пролетариев из «потовыжималок» и «самозанятых» «неформального» сектора в тенденции заново структурируется повсюду (в том числе в лишаемых жирка социального государства метрополиях) и принудительно включается в реорганизуемые цепочки эксплуатации (*экономическая гомогенизация*).

В-третьих, должно быть сделано заключение о том, что в распоряжении транснационального капитала на всех ступенях цепочки получения прибавочной стоимости находится требуемый потенциал рабочей силы *во всемирном масштабе* (*географическая гомогенизация*).

Я не разделяю мнение о том, что следует делить мировой пролетариат географически на «первичную» и «вторичную» основные группы, поскольку, в отличие от него, вижу глобальную тенденцию к одинаковой иерархии «первого», «второго», «третьего» и т.д. пролетариата во *всех* точках извлечения прибыли, хотя и в различных пропорциях...

В свою очередь, своим тезисом о гомогенизации я отнюдь не оспариваю того факта, что различия в доходах даже возросли в зависимости от стадии развития, что существуют различные степени прекаризации, пауперизации, геттоизации, неодинаковые шансы на выживание. Но, какими бы важными ни были эти различия в нынешней политической борьбе, они имеют лишь количественное значение. Они ничего не меняют в трех линиях качественно новой глобальной тенденции к гомогенизации. Независимо от места в соответствующей стадии развития мирового капитала, повсюду разворачивается спираль репролетаризации, причем для большинства слоев - вниз, ведь даже среди высококвалифицированных слоев все меньше тех, кто «выигрывает от кризиса». При этом еще недавно считавшиеся невозможными феномены массового обнищания и изоляции возвращаются в метрополию...

В своем реферате (1993 г.) я перед лицом продолжающегося ксенофобского бунта деморализованных молодых пролетариев в Восточной и Западной Германии настаивал на том, что при бесспорной необходимости мобилизации антирасистских действий и принятии контрмер против неофашистов мы не должны упускать из виду социальный контекст этого бунта.

В 1977-1978 гг. я был вовлечен в спор с неоленинистскими группами и антиимпериалистическим окружением РАФ, определявшими тогдашнюю «немецкую осень» (54) как «новый фашизм», в блок власти которого прочно интегрированы, по крайней мере, нисходящие слои рабочего класса. В итоге этих дискуссий и концентрации активного социального движения на «святынях» атомной промышленности и других объектах технократической гигантомании политическая воля для продолжения ориентированной на действие снизу политики против неолиберальной маргинализации на стороне новых деклассированных слоев населения была в далеко идущей степени утрачена. С конца 80-х гг. «Республиканцы» (одна из ультраправых партий в ФРГ - прим. ред.) были теперь единственными, кто проявил чутье в отношении пролетарской среды бывших «красных бастионов», разлагавшейся в ходе растворения структур индустриального производства и целенаправленного государственного расселения иммигрантов, и на свой собственный лад обратился к «социальному вопросу» (социальная помощь и улучшение инфраструктуры - только для немцев!).

О подобных процессах сообщается в течение ряда лет со всей Европы, например, из региона Марселя, где неолиберальный «социализм» основательно разрушил пролетарскую среду, после партия Ле Пена чего (ультраправая, - прим. ред.) на долгие годы осталась единственной политической силой, предпринимавшей инициативы по восстановлению узлов социальной связи (55). Политические последствия оказались ужасными: «европейские» иммигранты первого поколения (испанско-итальянские портовые рабочие и безработные) вступили в борьбу против иммигрантов из Магриба и Черной Африки. Но именно поэтому следует настаивать на том, что предпосылкой этого стала великолепно отработанная смена ролей между «социалистами» и «фашиками» в отношении пролетариата: первые с постмодернистским наслаждением разрушали последние остатки пролетарской среды сопротивления, вторые стремились с помощью своих политических рецептов «этноцентрического сообщества» смягчить нанесенные раны в социально-политическом отношении. Сегодня не только неолиберальные «социалисты», но и более старшие поколения новейшего автономно-антирасистского движения задаются вопросом, правильно ли они вели себя по отношению к процессам деклассирования пролетариата. Повсюду - в Италии, Франции, ФРГ, Испании и т.д. - часто именно неолиберализм «социалистических» партий вместе с разрушением

инфраструктуры и разнузданной индивидуалистической пропагандой «расталкивания локтями» породил «народный расизм», интенсивность которого сегодня, вне всякого сомнения, вышла далеко за рамки расистского массового консенсуса с фашистско-нацистскими диктатурами 30-х гг. (56)

Точно также выглядит дело с «исламским фундаментализмом» на Ближнем и Среднем Востоке. «Стритфайтеры» (57) бунтов против МВФ в Алжире, Тунисе и Каире, восторженно воспринятые в 80-е годы левыми радикалами и антиимпериалистами, сегодня в значительной мере перешли под крыло различных исламских «движений спасения», которые в течение ряда лет отвечают на разрушение социальных бюджетов развивающихся режимов своей привязанной к мечетям социальной политикой против нищеты. Вне сомнения, этот вновь обретенный «ориентализм» сопровождается страшным сужением жизненного мира для молодежи и, прежде всего, для женщин и европейски образованной части населения. Но это должно вести не к паническому союзу с дохозяевами до разрушения всей социальной инфраструктуры неолибералами и модернизаторами-технократами, а к серьезному осмыслению того факта, что на переломы в общественной системе нельзя отвечать только лишь одобрением сенсационных и кратковременных «голодных бунтов», поскольку из них не вытекают длительные общественные антагонизмы. Если в затронутых странах на повестку дня не выдвигаются соразмерные стратегические ответы на вновь обострившийся в результате дерегулирования социальный вопрос, тогда еще вчера столь восторженно восхвалявшиеся антиимпериалистическими левыми «стритфайтеры» неожиданно приходят под крылышко мулл, а большое количество левых интеллектуалов арабского мира, придя в ужас от натиска фундаментализма, сближается с технократами неолиберального нового порядка.

Итак, я полагаю, есть некое количество опыта и твердых политических аргументов, которые должны предохранить нас от отрыва анализа внутривидового насилия и процесса инволюции от их социально-экономических предпосылок и, следовательно, от ложных фронтов в рамках антирасистских и антифашистских «союзов». Вместо этого нам следовало бы подходить ко всей этой проблеме с холодной головой, оставить в стороне эмоциональные обвинения или самообвинения.

...Вернемся после этого экскурса в последний раз к классовым реалиям. На сей раз - в мировом масштабе. Самое время теперь в целом повернуть вопрос и обсудить, как новый пролетариат после бунтов 60-х - 70-х гг. и под воздействием идущего с тех пор цикла дерегулирования сложился в новую субъектность и где можно скорее всего ожидать тенденций к перспективе самоопределения... Вначале я займусь историей сопротивления последних лет. Затем перейду к обсуждению вытекающего из нее субъективного самопонимания и разбором тех стратегий социально-революционного преобразования мира, которые до сих пор определяли наши надежды. Эссе... заканчивается осторожно поставленным вопросом о первых возможных очертаниях форм сопротивления.

Уклонение и сопротивление отчужденному труду за прошедшие годы: периферия, пороговые страны, метрополии

Посмотрим сначала на в основном аграрно-капиталистически преобразованную периферию. Мы должны констатировать, что разложение сопротивления, давно уже обусловленное разрушением экономики самообеспечения, начало уступать место новому возмущению. Прогрессирующий захват земли крупными помещиками и агро-бизнесом, продолжающееся падение мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, нищенские зарплаты в расширяющемся секторе «потовыжималок» и вызванное санацией бюджета и выплатой долгов повышение цен на продукты питания уже не воспринимаются с молчаливой апатией. Со времени массового восстания в Замбии в 1986 г. волна голодных бунтов потрясла периферию и, отталкиваясь от цен на продукты питания, блокировала неолиберальную модель углубления кризиса во многих странах. Из различных районов околосахарской Африки, юго-восточно-азиатской периферии и латиноамериканских зон депрессии сообщается о локальных бунтах против «принудительной торговли» и долгового рабства. В индийском штате Уттар-Прадеш поденщики из низших каст или вообще не принадлежащие к кастам, уже несколько лет ведут базисную профсоюзную борьбу за введение минимально гарантированного уровня зарплаты и

против «контрактного труда». Во второй половине 80-х гг. 50 тысяч малоземельных филиппинских семей захватили почти 100 тысяч гектаров ничейной земли и таким образом защищались против попыток помещиков заменить крестьян-арендаторов сельскохозяйственными рабочими. Они проявили при этом такую же высокую организованность, как филиппинское «Движение 1 мая», которое объединило эксплуатируемых «формального» и «неформального» секторов в «профсоюзы социального движения» и с тех пор в ходе так называемых «народных стачек» снова и снова парализует целые коммунальные структуры производства. Многие «общины» «неформального» сектора уже полтора десятилетия ведут разнообразную борьбу против чиновников и военных, отстаивая сохранение хотя бы минимальной социальной инфраструктуры и занятых и присвоенных ими массовых поселений. При всем этом нельзя упускать из виду кровавый и отчаянный характер классовых столкновений при переходе от экономики самообеспечения к периферийной цепочке эксплуатации мирового капитала, а также то, в каких все еще неравных условиях экспроприированные и пауперизированные учатся бороться в рамках глобального нового порядка. Но было бы неверно за этой горькой «циркулярной миграцией» между аграрно-капиталистической экспансией и теневой экономикой не видеть возникновения стабильных структур самоорганизации, которые свидетельствуют о чем-то большем, нежели о простом минимальном стремлении к выживанию. О них мало сообщается в мировых СМИ, даже тогда, когда они становятся главной мишенью развязанных элитами «этнических» гражданских войн. Вместо этого ими все активнее занимаются глобальные институты (Международная организация труда, Всемирный банк): они пытаются с помощью «побочных выплат» и нацеленных программ помощи расколоть и нейтрализовать их сопротивление. Ведь массовое осуществление требований земли, повышения уровня зарплаты, обеспечивающего хотя бы минимальный прожиточный уровень, как в «формальном», так и в «неформальном» секторах производства, и ликвидации «принудительной торговли» блокировало бы дальнейшее расширение нового мирового порядка.

Все более широкое развертывание массовых выступлений в пороговых странах, которые теперь часто называют «новыми индустриализированными», наиболее отчетливо ставит под вопрос новый режим накопления (58). Это, разумеется, не случайно, ведь именно в этих странах стратегии дерегулирования способствовали социальному перелому. В нем теснейшим образом переплелись последствия аграрно-капиталистической трансформации периферии и социальные издержки привязки к процессу индустриальной перестройки. Но это означает, с одной стороны, что формы борьбы периферийного пролетариата в пороговых странах приобретают наиболее развитый характер, с другой, что процессы самоорганизации перестраивающегося и расширяющегося промышленного рабочего класса испытывают постоянное ускорение, а с третьей, что благодаря прекаризованному пролетариату «неформальной» сферы производства на коммунальном уровне устанавливаются новые связи между всеми сегментами класса. Без сомнения, акценты расставлены по-разному в зависимости от конкретных стран. Откаты в виде репрессий и расколов воздействуют большей частью сильнее, чем успехи. Снова и снова самоорганизованные элементы сопротивления распадаются, так что вновь вспыхивающие в различных точках конфликты либо протекают независимо друг от друга, либо многослойные массовые потребности промышленной резервной армии и аграрного пролетариата используются успешными частичными движениями в верхних зонах пирамиды эксплуатации (т.е. выгоду из борьбы извлекают бюрократические и иерархические организации, профсоюзы и партии, опирающиеся на менее угнетаемые и не столь бесправные слои наемных работников, - прим. перевод.).

Тем не менее, упорство и героизм, которые вновь и вновь демонстрировали участники выступлений в минувшем десятилетии, прежде всего в Бразилии, Мексике, Южной Африке, на Тайване и в Южной Корее, впечатляют. Цепочка стачек сельскохозяйственных рабочих, захватов земли и местных восстаний с конца 70-х гг. так и не прерывалась. В их ходе и требованиях проявляется медленный процесс накопления опыта, который вел к все более осознанно действующим формам самоорганизации. Независимо от того, исследуем ли мы массовые стачки рабочих сахарных плантаций Северо-восточной Бразилии или выращивающих рис крестьян Юго-Восточной Азии, местные восстания в пораженных депрессией провинциях Аргентины или возобновившееся в начале 90-х гг. «дикое» новое заселение бывших «черных зон» черными общинами Южной Африки, - безработные и безземельные уже не борются за возвращение ниш экономики самообеспечения (т.е. сугубо местного и маргинального натурального хозяйства, - прим. перевод.), а добиваются «земли, воды и жилья» в монетаризированных мирах в форме социального присвоения благ и обеспечения достойного уровня семейных доходов, создают общестрановые сети самоорганизации (движение

безземельных в Бразилии, общенациональные крестьянские профсоюзы в Южной Корее, мексиканские профсоюзы сельскохозяйственных рабочих, национальный земельный комитет в Южной Африке), используют в своих интересах политическую конъюнктуру и объединяют вокруг себя влиятельные «группы давления». Новое выражение эти процессы получили в повстанческом движении в Чиапасе на Юге Мексики. Хотя Сапатистская освободительная армия САНО сознательно делает упор на национально-революционное наследие, в ее военно-политических действиях и требованиях воодушевляют именно характерные черты, свойственные положению эксплуатируемых и маргинализированных во всей мировой аграрно-капиталистической системе. Звучат требования не более и не менее как отмены «либерализованных» накануне соглашения НАФТА рынков земли и восстановления общинной земельной собственности («эхидо»), а также ликвидации всех форм земельной арендной платы, включая плату за жилье, устранения «принудительной торговли», приравнивания зарплаты в промышленности на транснациональных предприятиях до уровня метрополий, действенной, стабилизации цен на аграрную продукцию и продукты питания, гарантированной экспроприацией капитала. Восстание в Чиапасе было первым подающимся гомогенизации объявлением войны новому мировому порядку по ту сторону враждебных трудящимся массам ленинистских утопий развития, которые десятилетиями были представлены ныне пришедшими в упадок национально-освободительными движениями.

Связь этой борьбы с формирующимся «неформальным» сектором очевидна. С начала 80-х гг. миллионы семей в пороговых странах предсахарской Африки, Юго-Восточной Азии и особенно Латинской Америки стали присваивать пустующую землю в окрестностях агломераций крупных городов как «сквоттеры». Экономическая структура этих новых форм выживания характеризуется прогрессирующей, частью навязанной репрессиями, частью самоорганизованной «переменной труда» между расцветающей теневой экономикой мелких семейных хозяйств и дерегулируемым производственным сектором. Их превращение в поставщиков тех или иных отраслей промышленности интегрировало детей, молодежь и, прежде всего, женщин в цепочки эксплуатации. Поэтому в борьбе за семейный доход конфликты с требованием улучшения инфраструктуры, введения минимально гарантированной зарплаты и установления «моральной экономики» (59) справедливых цен на продукты питания все больше переплетаются с забастовочным движением в промышленности. Дети, молодежь, женщины и мужчины стали объективно равноценными участниками борьбы за человеческое достоинство и доход, обеспечивающий воспроизводство. На этой почве смогло реконструироваться или даже вообще впервые сложиться и - во многих случаях поставленное вне закона - рабочее движение в крупной промышленности. Его общинные корни позволили перенести акции сопротивления на свободные производственные зоны и новые регионы развития. То, что произошло в ходе 80-х гг. в Бразилии, Южной Африке или Южной Корее и продолжается сегодня в виде борьбы против «японских» методов производства на фабриках, работающих на мировой рынок, характерно сейчас и для социальных конфликтов в Индонезии, Кении, на Тайване или в Китае, где в защите «неформальных» секторов как своего рода «последнего средства» общинного выживания были выбиты гарантии минимальной зарплаты, а в ходе кровавых конфликтов с ведомствами труда и военными из сотен стачек и крупных рабочих демонстраций выросли «настоящие» фабричные профсоюзы. К примеру, в Китае в 1993 г. было зарегистрировано более 6000 стачек и захватов предприятий. В Медане на Суматре в марте 1994 г. немислимая до тех пор волна стачек и демонстраций более чем 40 тысяч рабочих была переведена сухартовскими военными в «этнический конфликт» с китайским меньшинством с помощью использования последних резервов и провокаторов. Но такие методы могут лишь задержать консолидацию автономного «профсоюзного социального движения» (60)

Большие проблемы, чем эти, наверняка обреченные на провал в долгосрочной перспективе репрессивные механизмы вмешательства, вызывает, напротив, характерное перенесение акцентов внутри нового рабочего движения некоторых пороговых стран. Новым автономным базисным профсоюзам в крупной промышленности нигде не удалось устранить «профсоюзы компаний» ТНК или повернувшиеся к неолиберализму корпоративные государственные профсоюзы. Поэтому они ответили на это вынужденное сосуществование созданием общестрановых профобъединений, а частью - и образованием новых рабочих партий. Тем самым им удалось обеспечить свое выживание и добиться далеко идущих политико-институциональных перемен. Созданный в 1983 г. бразильский тандем профобъединения КУТ и Партии трудящихся, к примеру, в ходе конституционной кампании 1987-1988 гг. завоевал широкие права для рабочих (44-часовую рабочую неделю, защиту от увольнений, доплату за сверхурочную работу, защиту материнства), которые позднее благодаря новому закону о земельной реформе частично удалось распространить и на движение безземельных. В Южной

Африке новые профсоюзы черных рабочих в 1985 г. объединились в профцентр КОСАТУ и вместе с боевыми профсоюзами горняков и автомобилестроителей начали эффективную кампанию за «зарплату, достаточную для жизни». Эта кампания породила такую контр-силу, что, в конечном счете произошло смягчение апартеидного капитализма многопартийно-кейнсианскими мерами и всеобщим избирательным правом. Активистам возникших в 1987-1988 гг. 600 автономных базисных профсоюзов Южной Кореи удалось в 1990 г. с созданием Национального совета профсоюзов (Чон-но-хьоп) обеспечить отход режима от прежнего «кровавого тейлоризма». При этом они сохранили свою безусловную враждебность в отношении диктатуры и ее государственного профсоюза ФКТУ. Было бы более чем критиканством оценивать эту частичную консолидацию трудящихся, как лишенную всякого значения и предсказывать корейскому рабочему движению, невзирая на его сохраняющийся курс на конфронтацию, «эволюцию» как в Бразилии или Южной Африке (61). Однако в случае Бразилии и Южной Африки невозможно не учитывать обратную сторону реформ, а именно растущее обособление новых отраслевых и аграрных профсоюзов от выдвигавшего их «профдвижения социальных движений» групп прекаризованного пролетариата, тем более, что эти последние сегодня сильнее определяют классовую структуру, чем в середине 80-х гг. Добивающиеся успеха, состоящие из мужчин альтернативные профсоюзы, «выжившие» в цикле борьбы всего пролетариата и особенно женщин и молодежи, все больше и больше снова отдаляются от основных слоев дерегулируемой пирамиды эксплуатации и заключают с союзами предпринимателей и вновь повернувшимися к некейнсианству правительствами социальные пакты ради сохранения реконструируемых мест размещения производства. Это ведет к новым расколам класса. В других обстоятельствах интеллектуально-пролетарским левым, давно уже ослабленным в политической гражданской войне, напротив, вообще не удалось установить связь с происходящими в их странах массовыми забастовочными движениями. В то время как, например, в Турции, новое рабочее движение 1989-1991 гг. добивалось восстановления своих профсоюзных прав, режимом были уничтожены последние «авангарды» вооруженных «пролетарских левых». Единственным «выжившим» оказалась «курдская рабочая партия» ПКК, и дальнейшее развитие определяет уже не реконструкция классового конфликта, а националистическая конфронтация ПКК с турецким генштабом. Так в некоторых пороговых странах по-разному снова открывается брешь между гомогенизируемым классовым субъектом и селективной политической гегемонией, после того, как и там - за исключением Турции - реструктуризация класса и политический антагонизм в течение целого десятилетия были увязаны в «профдвижении социального движения» прекаризованного общинного пролетариата.

Чем больше и быстрее классовые отношения в метрополиях приближаются к результатам дерегулирования в других частях мира, тем разрозненнее и раздробленнее проявления пролетарского сопротивления при одновременном процессе все большего его расширения. С конца 70-х гг. в поколениях новых работников из среды женщин и молодежи распространены индивидуальные действия по уклонению от труда: их тяга к самоопределению и суверенитету в вопросе рабочего времени снова и снова использует самые различные механизмы обороны против информатизированного тейлоризма. Эти новые модели поведения объясняют как самоорганизованные акты высококвалифицированных японских временных контрактных рабочих (freeters), так и акты саботажа против плохих условий труда в низкооплачиваемых сферах в США. Однако они лишь редко проявляются открыто в профсоюзных формах борьбы. Элементов этого было предостаточно в середине 80-х гг., как показывает создание автономных базовых комитетов, прежде всего в общественном секторе, сфере услуг и на транспорте (например в Италии - прим.ред.). Но они не сумели получить большого распространения, поскольку оказались несвоевременными во все более оборонительных сражениях трудовых коллективов против закрытия предприятий и их частей, приватизации и «гибкого производства»; не смогли послужить альтернативой растущему «обмену уступками». Однако это новое поведение, проявившееся, по мнению многих наблюдателей, в ходе крупных оборонительных кампаний автомобилестроительных рабочих, сталелитейщиков, печатников, почтовиков, шахтеров и работников больниц с их захватами предприятий, замедлением работы, краткосрочными стачками и «летучими пикетами», выразило самосознание, которого не было во время прежних конфликтов вокруг рационализации.

Этому... поведению рабочих 60-х - 70-х гг., окончательно ушедшему в прошлое вследствие дерегулирования, противостоят открытые конфликты в городских кварталах. В некоторых случаях, как например в Лос-Анджелесе, они выросли из массовых действий против закрытия крупных промышленных комплексов: они с самого начала черпали свою силу из городской «общины» и последующие годы обратили на себя внимание разработанной стратегией самоопределяемой реконструкции отношений сфер «труда» и «общины». В Японии и

Нидерландах, напротив, комитеты поденщиков и иммигрантов начали борьбу против сверхэксплуатации в строительстве и швейных «потовыжималках», а левые низовые инициативы поддержали их, требуя их безусловной легализации или действуя вместе с ними против контролировавших городские районы гангстерских синдикатов. Третьи движения в городских кварталах характеризуются захватами домов: в Северной Италии - это, главным образом, иммигранты, защищаемые автономными молодежными центрами, в Потсдаме - молодежная пролетарская сцена, группирующаяся вокруг самоопределяемых сфер жизни и начавшая сопротивление против полной санации центра города и, в отличие от своих гамбургских предшественников 80-х гг., стремящаяся избежать самоизоляции от своих пролетарских и мелкобуржуазных соседей, которым также угрожало изгнание. Как мне кажется, эти инициативы пока еще далеки от опыта «профсоюзного социального движения» на периферии и в пороговых странах. Но они предвещают формы социального присвоения и конфликтов в низкооплачиваемых секторах, значение которых растет год от года и в метрополиях. Большой плюс этих инициатив я вижу кроме того в том, что они, увязывая непосредственно отстаиваемое право на жизнь с «достаточной для жизни зарплатой», показывают практически альтернативы все еще преобладающим в метрополиях тенденциям социально-трудового «ухода» за безработными и получателями социальной помощи с ориентацией на заданные в социальном бюджете каталоги производительности.

Спецификой метрополий следует считать, напротив, массовые конфликты, развившиеся с середины 80-х гг. в процессе дерегулирования сферы транспорта и против нее. При этом вначале преобладали массовые стачки и замедление работы в сферах почты, железных дорог, в портах, воздушном сообщении с отчасти путеводным созданием самоорганизованных международных сетей. Направленные против перестройки и приватизации, они, тем не менее, зачастую были проиграны после длительной и ожесточенной борьбы, в последний раз в октябре-ноябре 1993 г. на «Эр Франс»: большинство трудового коллектива после жесткой четырехнедельной стачки в марте 1994 г. согласилось со смягченным вариантом увольнений и ограничений зарплаты. Поскольку транспортные рабочие все больше разделяют судьбу центральных индустриальных категорий рабочего класса, произошло и расширение конфликтов на те сферы транспорта, которые до тех пор были мало затронуты рабочим движением. Водители грузовиков представляют существующий в различных масштабах в разных странах наряду с наемными работниками сферы перевозок тип «самостоятельных работников» Вначале казалось, что в процессе растущей переориентации транспорта с рельс и воды на дороги они оказались на стороне выигравших новой эры. Но прогнозы не оправдались. «Рыцари дорог» потеряли свои мистифицированные индивидуальные свободы и были пристегнуты к цепочкам «своевременных поставок» (just-in-time) новых сетевых предприятий. Их все больше настигали «Си-Би-радио», бортовой компьютер и электронное определение координат. Происходил полярный процесс концентрации производства и расширения субконтрактной сферы «самостоятельных» водителей, причем более трети «самостоятельных рабочих» со сверхдлинным рабочим временем и сверхнизкими зарплатами, как у работников черного труда, были вынуждены вести отчаянную борьбу за материальное выживание. С середины 80-х гг. в Италии, Испании и Голландии они пытались защищаться с помощью специфической технологии забастовок. Впервые добились социально-политических и налогово-технических уступок в октябре 1990 г. преимущественно самостоятельно ездящие водители грузовиков Испании. Они остались на бумаге. В июле и сентябре 1992 г. последовало до сих пор наиболее громкое стачечное движение во Франции и вновь в Испании: оно было в одном случае направлено против введения системы штрафных пунктов для предотвращения транспортных происшествий и сверхдлинных сроков поездок, а в другом случае - на реализацию обещаний 1990 г. В том, что касается целей, до сих пор носящих частью саморазрушительные черты и, в отличие от требований водных перевозчиков, которые также работают самостоятельно, лишь редко выдвигают на первый план в конфликтах проблемы зарплаты и условий труда, - здесь приукрашивать нечего. Но это не должно нам мешать обратить внимание на столь амбивалентные до сих пор формы борьбы в узловых пунктах нового режима накопления в метрополиях, играющих теперь решающую роль с трудовой и экологической точки зрения, и работать над инициацией новой антагонистичной капитализму субъективности рабочих (62).

Уже примерно 2 года на прежде мало связанные между собой фабричные, территориальные и транспортные сферы рабочего сопротивления в странах метрополий, которые, в отличие от Англии и США, несмотря на все урезания, лишь частично подверглись воздействию глобального дерегулирования, наложилось все более структурированное в макроэкономическом смысле наступление на все составные части сферы жизни пролетариев. Это «упущение» должно быть теперь наверстано прежде всего с помощью Маастрихтского соглашения о Европейском

союзе, причем с привлечением профдвижений и соответствующих реформистских левых. Как мы видели, в Германии это контрнаступление вышло на арену втихомолку: правительство растянуло социальный демонтаж, понижение реальной зарплаты, открытие рынков рабочей силы, приватизацию государственных предприятий и «уоркфэр» на многие бюджетные годы, разработало скорее нереальную «федеральную программу консолидации» и использовало постфордистские эксцессы в так называемых новых федеральных землях против «старых» (63). В Италии, напротив, в июле и сентябре 1992 г. под давлением валютных спекуляций и девальвации лиры был заключен драконовский «социальный пакт» между правительством, союзами предпринимателей и руководством профсоюзов. В два этапа была отменена «подвижная шкала» зарплаты (64), тарифные ставки и пенсии заморожены, объявлено об остановке роста зарплаты в общественном секторе, в значительной мере приватизировано медицинское обеспечение, введено повышение налога на зарплату, имеющее обратную силу. Против этого развернулся широкий массовый протест, которому, несмотря на сенсационные отдельные акции и продолжавшуюся многие недели мобилизацию всех затронутых слоев, не хватило однако силы на то, чтобы выйти из-под контроля двучленно действовавших профсоюзных руководителей и реформистских левых. В Бельгии, где в октябре 1993 г. стало известно о тайных предварительных соглашениях между профцентром и правительством, профдвижение оказалось на грани открытого раскола. Однако массовая мобилизация против плана социально-политического дерегулирования (разработанного правительством под руководством социал-демократов) с участием некоторых отраслевых профсоюзов была в конце ноября переведена в русло однодневной всеобщей стачки. Менее успешным оказалось вначале... социалистическое правительство в Испании в своей попытке впрячь оба массовых профсоюза - Всеобщий союз трудящихся и Рабочие комиссии - в телегу провозглашенного им в июле 1993 г. «закона о новом регулировании рынка труда». Опираясь на предшествующие частичные успехи в двух прежних всеобщих стачках, профсоюзы не желали участвовать в этом решительном наступлении на защиту от увольнений, продолжительность рабочего времени, доплату за сверхурочный труд и минимальные гарантированные ставки зарплаты. Но их могущество было сломлено после двух массовых стачек в конце ноября 1993 г. и в конце января 1994 г., и в феврале 1994 г. последовал уже не контролировавшийся ими молодежный бунт против новых соглашений, позволявших предпринимателям трудоустроить новичков, платя им 70% прежней минимальной зарплаты. Наконец, последняя по счету, но не по значению - Франция. Здесь консервативное правительство Балладюра попыталось осуществить пакет дерегулирования по отраслям. Ответом с осени 1993 г. стало массовое движение, захватывавшее соответствующие затронутые сектора - крестьян, работников общественного транспорта, бретонских рыбаков, а также учащихся и студентов. Их массовый протест против приватизации системы образования вылился в марте 1994 г., как и незадолго до этого в Испании, во всеобщий молодежный бунт, когда правительство попыталось ввести «договор о профессиональной интеграции» (CIP), снижающий минимально гарантированную зарплату (SMIC) при начале работы на 20%, при чем независимо от приобретенного перед этим уровня квалификации. Во всех случаях правительство несколько отступало, ловко дожидалось, пока массовая мобилизация пойдет на спад, и затем переходило к поэтапному осуществлению новых норм дерегулирования (65).

В итоге следует заключить, что и континентальная Европа, прежде пощажённая наиболее жестким дерегулированием, с 1992-1993 гг. полностью включилась в глобальное переформирование отношений эксплуатации. Профсоюзы и политические реформистские левые либо приняли участие в этом прорыве, следуя тактике двойной игры, либо были политически маргинализованы. Тем самым отрыв пролетариата метрополий от его прежних профсоюзно-социал-демократических посредников после Японии (60-е гг.), США и Англии (70-е - начало 80-х гг.) нашел явно катастрофическое завершение и в континентальной Европе ЕС. Ведь за исключением Франции, где, по крайней мере, на короткий срок стабильно создаются координационные органы ассамблей типа Советов в масштабе всей страны, дееспособные низовые инициативы так и не смогли утвердиться.

С точки зрения объективного классовообразования, теперь, правда, открыт путь к новой борющейся самоорганизации в глобальном контексте. Как показывает взгляд на поистине неразвитые - несмотря на их часто удивительно боевой характер - организационные формы и стратегические дебаты нового низового сопротивления, при этом нет особого основания для оптимистических ожиданий. Вряд ли можно себе представить, что массовые движения в метрополиях смогут более или менее непосредственно консолидироваться сами по себе. Поэтому мы не можем просто озираться назад и утешительно верить в более или менее стихийное развитие самоорганизованных общественных инициатив. Активное вмешательство

кажется отнюдь не лишним, особенно в метрополиях. При этом нам не обойтись без рассмотрения силы и слабости нового классового субъекта по сравнению с периферийными и полупериферийными формами. В заключении нам придется задать себе вопрос, почему по крайней мере в контексте нынешних конфликтов в метрополиях не выдвигаются программные представления, необходимые для любой революционной самоорганизации. Прежде чем мы сделаем некоторые собственные предложения с учетом глобальных взаимосвязей, нам следует задуматься над тем, в какой мере господствовавшие до сих пор традиционные установки марксистской стратегии, хотя и дискредитированы как вчерашний снег, но из-за своего сохраняющегося исторического детерминизма все еще в значительной мере блокируют превращение растущего гнева против антигуманных и разрушающих общество последствий нового режима накопления в освободительную альтернативную стратегию.

Однако в этих рассуждениях мы не должны уходить от глобального контекста. Из резюме последнего цикла борьбы очевидно, что и на мировом уровне существуют ощутимые барьеры на пути возможностей для международного объединения борьбы, вызванных тенденциями к структурной, социально-экономической и территориально-географической гомогенизации. На периферии преобладают происходящие наугад попытки безземельных и крестьян-рабочих развивать движение сопротивления внутри необратимо обрушившегося на них нового мирового порядка. Однако в своей самоорганизации они остаются по большей части регионально ограниченными, хотя в 80-х гг. они снова стали работать над активизацией интернациональных взаимосвязей. На стороне универсалистского и охватывающего все сегменты класса «профдвижения социальных движений» новых «общин», оказавшихся в ухудшенных и негарантированных условиях, а также повстанческих движений безземельных в некоторых пороговых странах все больше выступают профцентры и отраслевые профсоюзы крупной промышленности, которые чем дальше, тем больше используются в интересах перестраивающегося рабочего класса крупных предприятий и делаются уязвимы для неокейнсианских социальных пактов за счет массовой нищеты, негарантированной занятости и поденщиков. Если мы прибавим к этому касающийся метрополий вывод о том, что разрозненные пролетарские движения протеста против дерегулирования и реформирования нигде еще не высвободились в политико-организационном отношении из объятий повернувшегося к неолиберализму реформизма рабочего движения, в то время как в Китае и, в растущей мере, вновь в некоторых странах Восточной Европы они, как кажется, интегрированы обновившейся на «рыночно-социалистический» лад номенклатурой, то нам не избежать вывода, что с международным прорывом к новым берегам дела сегодня обстоят отнюдь не блестяще.

Новый классовый субъект

Несмотря на эти организационно-политические недостатки, новый классовый субъект в течении двух десятилетий проступает все яснее. На периферии безземельные и крестьяне-рабочие с гордостью и достоинством вышли из тупика помещичьего землевладения и экономики самообеспечения и требуют от старых и новых господ своих прав на жизнь. Это новое поведение изумляет всех тех, кто приезжают в их деревни и хижины из стальных листов в массовых поселениях или же участвуют в их собраниях. В борьбе за землю и воду, минимально гарантированные заработки и достаточный для существования семейный доход, основы новых базисных профсоюзов и «общинных центров» часто закладывались женщинами. Здесь выступления безземельных и сельскохозяйственных рабочих против помещиков, сельских капиталистов и патронов «индустриальных плантаций» обретают свой тыл. Когда помещики в Уттар-Прадеше в союзе с местными полицейскими пытаются подавить забастовки с требованиями минимально гарантированной зарплаты, которые ведут представители низших каст и те, кто не принадлежит к кастам, убивая и насилуя «некастовых» женщин, или когда политические руководящие группы Черной Африки, толпой осаждающие международные фонды помощи, отвечают на новую активность снизу «этническими» гражданскими войнами, то их варварские действия со всей ясностью демонстрируют силу нового периферийного классового субъекта. С помощью инструментов крайнего насилия и унижения периферийные элиты пытаются восстановить настроения апатии и покорности у эксплуатируемых, чтобы душить в зародыше распространяющееся социально-революционное требование земли и воли.

Во многих пороговых странах новая идентичность социального присвоения концентрируется, кроме того, в индивидуальных бунтах и в коллективных восстаниях. Из Китая сообщают, что многие рабочие, уволенные новыми «арендаторами» государственных предприятий, физически нападают на фабричных господ и ведут борьбу за свои утрачиваемые права с помощью стачек и акций захвата предприятий. Генеральное командование

Сапатистской армии освобождения в своем объявлении войны мексиканскому правительству ссылается на неимущих как на «кузнецов мексиканской нации». Как их законные наследники, восставшие требуют восстановления диктаторски подавленного в течение 70 лет революционного конституционного права и таким образом оправдывают вооруженную борьбу за возвращение общинного землевладения, за строительство достойного людей жилья, за создание элементарного медицинского обеспечения и за демократические свободы. В программе Национального совета южнокорейских профсоюзов борьба за осуществление элементарнейших прав для рабочих (обеспечивающие существование и эгалитарные размеры зарплаты, свобода коалиций, защита от увольнений, 44-часовая рабочая неделя) смешивается с лозунгами против дискриминации женщин и за международную солидарность и вписаны одновременно в требование восстановления «доброе старое» общинного строя (культуры минчжунг) в воссоединенной Корее. Помимо этого, в боевой песне «чон-но-хьоп» не оставляется ни малейшего сомнения в том, что целью является «рабочее господство», а решающим средством ее достижения считается «всеобщая стачка». Так на примерах важнейших до сих пор пунктов кристаллизации пролетарского подъема мы можем установить, что там перенимается социально-революционная парадигма и что она обретает массовость. Эта парадигма, с одной стороны, опирается на традиционные нормы коллективизма и общинной собственности, а с другой стороны, по своим целям и политико-организационным инструментам полностью вступает в антагонизм с новым мировым порядком. Новый классовый субъект пороговых стран выражает себя, таким образом, на многих уровнях, причем исходит из ситуации отдельных слоев (пауперизм, современный индустриальный рабочий), но, в отличие от КУТ и КОСАТУ, ссылаясь на добрый, старый, «национальный» конституционный и общинный строй, выдвигает эгалитарную, свободную от гегемонии цель, в случае с Сапатистской армией дополнительно конкретизирует ее вплоть до современных индустриальных рабочих и, наконец, открывается для интернационалистских решений (наиболее четко Сапатистская армия, вербально-связно южнокорейский Национальный совет, но также и КОСАТУ, менее всего - бразильская КУТ) (66). Анонимность выступлений часто замаскированных представителей (как, например, в сапатистском движении, - прим. перевод.) объясняется не только преследованиями, но и дополнительно демонстрирует коллективный характер этих новых движений, сознательно избегающих персонализации, характерной для СМИ. Социально-революционная самоорганизация неимущих и крестьян-рабочих, ставшая ответом на окончательно деструктивную тенденцию к расширению мировой капиталистической системы в ее периферийных и полупериферийных зонах, как кажется, наиболее аутентично выражает новую идентичность классового субъекта. Однако тенденции к тому, чтобы занять дистанцию от целостности новой классовой структуры, обсужденные на примере Бразилии и Южной Африки, оставляют дальнейшее развитие в высшей степени открытым.

Но и в метрополиях новый классовый субъект отнюдь не был только соломинкой, ненадолго вспыхнувшей в бунтах 60-х - начала 70-х гг. и затем бессильно сгоревшей. Он примерным образом проявился в легендарном итальянском молодежном движении 1977 - 1978 гг., которое, в то же самое время, окончательно сформулировало его борющуюся идентичность. Когда ФИАТ в этот период нанял на работу 10 тысяч активистов «пролетарских раундов», они отказались согласиться со сведением их жизни и наличного времени к товару. Технология и организация труда крупных фабрик были и оставались для них врагами. Они выдвигали эгалитарные требования в области зарплат, стремились, с одной стороны, завоевать неформальный суверенитет над временем внутри фабрики, а с другой, - сохранить возможности своего индивидуального выбора между самоопределяемой деятельностью и создающей стоимость капитализацией их труда. Отсюда вытекал абсентеизм (т. е. уклонение от соблюдения правил игры, - прим. перевод.), который соответствовал их индивидуальным потребностям, вписанным, однако, в коллективную субъективность пролетарских «общностей». В то же время они категорически отвергали атомизирующие методы вознаграждения за труд на основе производительности и квалификации, признаваемые традиционным рабочим движением как «справедливые» (67).

Этот разрыв с парадигмой продуктивизма (т.е. культ производства и производительности как основной цели существования, а также культ труда, создающего стоимость, - прим. перевод.), характерной и для социалистическо-коммунистической культуры труда, подспудно распространился в течение 80-х гг. на весь рабочий класс метрополий, вплоть до трех миллионов высококвалифицированных японских рабочих по случаю (freeters), которые бросили вызов тойотизму в месте его зарождения, поскольку считали свою самоопределяемую жизнь более важной, нежели порабощение этой системой интеграции вплоть до 55-летнего возраста. В Европе ранее новый классовый субъект блокировал как технологически определенные

«стратегии гуманизации», так и привязанные к ним концепции гибкой автоматизации. И когда французское правительство в марте 1994 г. своим законом о «СIP» попыталось отменить систему гарантий рабочих мест и воспроизводства на уровне всего общества, активисты ответили на общенациональной массовой демонстрации 25 марта листовкой. В ней, сознавая ситуацию с безработицей и массовым обнищанием, они подтвердили верность идее ликвидации изматывающего вкалывания и приветствовали доставляющую удовольствие энергию самоопределяемой деятельности мастеров-любителей и компьютерщиков. Предприниматели и политики в целом «стали столь же бесполезны и вредны, как и отчужденный труд». Новый классовый субъект со всей очевидностью до сих пор сохранил неколебимой свою борющуюся идентичность, несмотря на все удары и сомнения в самоорганизации.

С этим фундаментальным отказом от механизма подчинения и создания стоимости новый классовый субъект, однако, давно уже вышел за поставленные ему «открытиями» постфордистских стратегов капитала границы сферы крупных предприятий и распространился на структуры всего общества. При этом он самыми разными способами пытался продвинуть приобретенный на опыте фабрик отказ от труда в сторону «более далеко идущего требований, касающихся смысла собственной производственной деятельности и автономии» (Серджи Болонья). Ответы и модели решения оставались столь же многовариантными, как и принуждение, заставлявшее снова и снова соглашаться на как можно более приемлемые условия труда и зарплаты, на временное отчуждение собственной рабочей и жизненной силы созданием капитала. Многие чередовали защищенную социальными гарантиями безработицу, субсидируемые рабочие места в тех или иных нишах и более высокую квалификацию. Другие искали работу на время (jobs), а затем отправлялись в экзотические поездки. Третьи принимали социальный статус «самостоятельных рабочих», обзаводясь за счет накоплений и премий собственными средствами производства и начиная экспериментировать на договорной основе с далеко идущим уравниванием самоопределяемой деятельности. Возникавшие таким образом автономные системы ротации между наемным, безвозмездным, высококвалифицированным трудом и защищенной социальными гарантиями самоопределяемой деятельностью упорно отстаивались и все еще отстаиваются до сих пор. Было выдвинуто и пропагандировалось даже свое собственное «кейнсианство снизу» (кампания в ФРГ за гарантированное минимальное пособие для всех, достаточное для жизни), с тем чтобы смочь удержать эти альтернативные сферы труда и жизни, требуя государственных гарантий дохода против растущей прекаризации трудовых отношений. В отличие от этих, вскоре натолкнувшихся на свои границы «лобби» из безработных «альтернативистов» и работников социальной сферы, инициативы молодежных центров и сквоттеров (захватчиков пустующих зданий, - прим. перевод.) снова и снова действовали вместе. Они пытаются совместно удешевить свои потребности воспроизводства в условиях повседневной социальной реальности и упорно защищать свои жизненные пространства против превращения их в товар для спекулянтов земель.

Со временем капитал и бюрократия социального государства стали все более жестко преследовать новый классовый субъект с его уклонением от отчужденного труда и стремлением к самоопределению; в последние годы они планомерно окружали его. На фабричном уровне выступили менеджеры с двусмысленными инициативами группового труда, чтобы присвоить его духовные способности с помощью чуть большего разнообразия труда и чуть менее строгой иерархии. Из суверенного распоряжения временем при временных заработках (jobs) в пользу интересов семейного воспроизводства у женщин выросла гигантская и расколота панорама негарантированных трудовых отношений. «Самостоятельные работники» закончили свой путь в основанных на сверхэксплуатации структурах «потовыжималок» сетевых предприятий с их внешними фирмами, системами «franchising» и сетями субконтрактников. Пособия по безработице и социальная помощь все более сокращались, субсидируемые ниши рабочих мест взяты под контроль, а инициативы в пользу гарантированного минимального дохода для всех отброшены к кампании против растущих структур «уоркфэра». В результате остались только растерявшие иллюзии и не знающие, что делать дальше, средние поколения работников, сгрудившиеся вокруг своих альтернативных проектов ротации и жизни люди с высокой квалификацией да маргинализированные, обладающие низкой квалификацией молодые люди, длительные безработные и получатели социальных пособий... В итоге, и в до сих пор сравнительно преуспевавших странах метрополий время вариантов отказа и обхода, практикуемых в маленьких «неформальных» сетях и так называемых альтернативных движениях, идет к концу. Именно потому, что они в течение более чем 20 лет культивировали *действительное* антагонистическое классовое сознание против требований капиталистического процесса получения прибыли, сегодня и классовые субъекты в метрополиях должны выдержать испытание. Как и социально-революционные движения на периферии и в пороговых странах,

они могут лишь продвинуть борьбу на более высокую ступень самоорганизации - или должны будут окончательно покориться.

Тяжелое наследство или наследие?

Критические замечания о марксовой программе трансформации как ядре наших традиционных представлений в теории революции

Так мы подошли к точке, когда следует поставить вопрос: можем ли мы в ходе дальнейшего политико-организационного развития нового классового субъекта, который, несмотря на свою высокую активность и фантазию, дошел до границ своих возможностей, опереться на традиционные установки марксистской теории? Ответ однозначен. Нынешняя оперативная гибкость мирового капитала, действующего в двух выражениях - в своей денежной и капитализированной формах, со всей очевидностью невозможно больше объяснить с помощью слепого функционализма и детерминизма марксистской критики политической экономии. Важные аспекты описанных нами явлений репролетаризации, к примеру, тенденцию к вовлечению всей промышленной резервной армии в процесс создания стоимости или появление уже не наемных более (частью «самостоятельных», частью несвободных) форм труда, при всем желании нельзя привести в соответствие с подходами, которые до сих пор господствовали в классовом анализе. Тем более это относится к поведению и потребностям нового классового субъекта: они характеризуются в значительной мере уклонением от труда и бегством из него и больше не связаны с продуктивизмом марксистской культуры труда. В целом эмпирически очевидные реалии двух последних десятилетий противоречат детерминистскому предположению о том, что центральному промышленному рабочему классу изначально предопределено сыграть некую решающую роль в социалистическом перевороте, поскольку он несет на себе отпечаток эффективности и рациональности крупного фабричного производства, основанной на разделении труда. Уверенность в этом и в других вещах, и без того всегда оспаривавшаяся в рабочем движении, теперь необратимо опровергнута. Тем не менее, именно в момент ее окончательного краха мы должны вновь критически рассмотреть ее. Ведь нам необходимо вступить в конфронтацию с преобладавшими до сих пор теориями капитала и стратегиями классовой борьбы, чтобы обрести возможность договориться между собой о контурах альтернативной модели революции. Такой модели, которая вытекала бы из нынешних процессов и содержала бы в себе серьезные предложения по политико-стратегической консолидации новейшего опыта борьбы. В рамках этого эссе я могу, разумеется, сделать всего лишь несколько предварительных замечаний на сей счет. Предусматривавшиеся в этой связи экскурсы о рабочей истории нынешнего столетия я опустил ради экономии места.

Попытаемся вначале обобщить уже обозначенную во многих местах критику окончательности марксовой модели накопления и вытекающего из нее жесткого представления о классе. При сравнении концепции накопления капитала с функционированием нынешнего «капитализма Голливуда и казино» становится совершенно очевидно, что повышение производительности труда отнюдь не обязательно должно сопровождаться непрерывным увеличением стоимостного строения капитала (68). Напротив, даже для целого цикла накопления может оказаться характерным постоянное снижение всех стоимостных составляющих капитала, причем достигнутое с помощью децентрализации и флексибилизации сокращение постоянного капитала будет настолько выгодно, что более чем компенсирует одновременно происходящее осязаемое уменьшение переменного капитала. Тем не менее, это недвусмысленное обращение вспять «логики» концентрации капитала отнюдь не ведет «закономерно» к длительному повышению норм прибыли. С помощью обширной разгрузки от факторов, вызывающих расходы, номинальная норма прибыли отдельного предприятия может, правда, осязаемо вырасти. Однако, поскольку в процессе образования средней нормы она должна быть также реализована, экстернализованные (вынесенные вовне, переложенные на других) таким образом расходы могут очень быстро и «вернуться обратно». Иными словами, соответственно выросшие макроэкономические издержки воспроизводства снова полностью оказывают действие на снизившиеся производственные издержки отдельных предприятий (69). Поэтому стабилизация реальной средней нормы прибыли возможна только вследствие растущего вмешательства капитала на макроэкономическом уровне, чтобы по возможности дольше и как можно более действительно исключать из накопления капитала факторы издержек, переносимые на окружающую среду и общество (разрушение здоровья работников, разрушение окружающей среды, массовая нищета и т.д.). «Гибкое производство», «гибкое государство» и неолиберализм, следовательно, тесно взаимосвязаны. Поскольку структура этого крайне деструктивного типа накопления уже более 20 лет действует в совершенном противоречии с оптимистической

марксовой теорией капитала, она, с одной стороны, полностью застала врасплох соответствующую теоретическую традицию, а с другой, привела к фатальным выводам - либо к капитуляции перед «закономерностями» неоллиберализма, либо к оживлению «объективистских» теорий неизбежного краха капитализма.

Однако прежде всего новый тип деконцентрированного и крайне экстернализовавшего издержки накопления капитала опровергает принципиальное предположение о том, что потребность капитала в рабочей силе все больше уменьшается в процессе роста. В то время как капитал раскалывается на все более мелкие и связанные между собой в сети производственные единицы вплоть до испытывающих предельную нехватку капитальных вложений и крайне трудоемких секторов мелких хозяйств, общество, в котором преобладают эти процессы, не «выходит из труда», а осуществляет развитие, при котором возвращение к «полной занятости» приобретает все более пауперизированные черты по сравнению с разрушенной системой кейнсианского регулирования. Фактически исчезают только прежние, социально гарантированные, нормальные трудовые отношения, в то время как спрос на негарантированные, низкооплачиваемые и в любой момент расторгаемые трудовые контракты сверхпропорционально растет при одновременной ликвидации официально регулируемой безработицы. Эту ориентацию стратегов капитала на «пауперистский» вариант полной занятости, наблюдающуюся уже на протяжении 25 лет, следует воспринимать со всей серьезностью. Ведь она весьма реальна и адекватно выражает специфическую радикализацию капиталистических интересов получения прибыли в нынешний период. Тенденция в настоящее время ведет к тому, чтобы придать общий характер промышленной резервной армии, сделав ее основным средством принуждения против в большей или меньшей мере уклоняющейся от труда «активной рабочей армии», то есть по возможности поставить все работающее по найму население в состояние хронической неполной занятости и в долгосрочной перспективе превращать в переменный капитал только небольшие и все время меняющиеся по составу категории рабочей силы. И это развитие отнюдь не противоречит само по себе исследованной Марксом циклической динамике накопления капитала, хотя и продвигает глобальные процессы пауперизации далеко за те рамки, которые считались возможными в первом томе «Капитала». Одновременно тенденция к повышению капиталоемкости, по крайней мере временно, кажется, превращается в свою противоположность. Перед лицом этих фактов господствующая марксистская теоретическая традиция со всеми ее «историческими закономерностями капиталистического развития», несомненно, потеряла последние остатки возможности объяснить, что происходит. В значительной мере в этом виновата она сама, поскольку завела заложенную частью уже в марксовом «Капитале» тенденцию к детерминизму настолько далеко, что, в конечном счете, стали казаться дискредитированными даже по-прежнему незыблемые аксиомы обоснованной Марксом критики политической экономии, включая гораздо менее телеологические предыдущие работы (см. его рукопись «Набросков» критики политэкономии!).

Без сомнения, Маркс сам некоторым образом способствовал этой ссылающейся на него традиционной линии в своем позднем экономико-теоретическом творчестве, оказавшем столь широкое воздействие. Только там, где он в главе о процессе так называемого первоначального накопления исследовал превращение капитализма в преобладающую общественную формацию, ему удалось в критико-аналитическом смысле учесть присущую капитализму как классовому отношению гибкость процесса интеграции и извлечения прибыли из живого труда. Однако покончив с этой стадией, Маркс перешел на почву в остальном резко оспариваемой им рыночно-либеральной экономической теории его эпохи. Несмотря на то, что он знал о том, что промышленная резервная армия выполняет все более широкие дисциплинирующие функции, Маркс стал изображать капитализм как замкнутый в себе способ производства, для которого и в трудовых отношениях идеально-типически характерна либеральная рыночная экономика. Частные собственники средств производства покупают вдвойне свободных (70) наемных рабочих, превращают их рабочую силу в переменный капитал, то есть в функциональный придаток капиталистического процесса создания стоимости, и реализуют полученную стоимость в виде цен на продукцию на свободных рынках товаров. Тем самым Маркс сделал функцию создания стоимости важнейшим назначением рабочих и полностью упустил из виду тот факт, что рабочий класс и после фазы первоначального накопления от поколения к поколению не только защищался против подчинения фабричному деспотизму внутри процесса создания стоимости, но и пытался снова и снова восставать и на рынках труда против его индивидуализирующего превращения в переменный капитал.

Это своеобразие двойного антагонизма рабочих с капиталом как внутри процесса капиталистического производства, так и вне его побуждает капитал прибегать к новым и все более насильственным методам подчинения и механизмам создания стоимости. Вот почему эти

методы и механизмы характерны для классовых отношений в принципе, а не только на фазе первоначального накопления. Подобно тому, как капитал отнюдь не нуждается для сохранения своей ориентированной на получение прибыли функции создания стоимости в обязательно либеральных рынках кредитов и товаров, он столь же мало привязан в принципе к «либеральным» рынкам труда, где ему с периодическими промежутками времени противостоят вдвойне свободные рабочие с правом на свободное коллективное соглашение относительно условий зарплаты и труда (71). Социальные и рыночные механизмы капитализма ни в коей мере не закреплены «законодательно», а зависят от соответствующих исторических, политических и институциональных структур и форм опосредования классовых конфликтов. Нет никакой «естественной» восходящей линии роста степеней свободы в отношениях между рабочими и капиталом. При определенных обстоятельствах «скованные» рынки кредитов и товаров вместе с несвободно «скованными» рынками труда оптимальны для накопления капитала, как это, например, было при фашизме / нацизме как стратегии преодоления депрессии. На других фазах роста капитал терпит, напротив, существование противостоящей ему силы единого профсоюза в форме отраслевых и территориальных тарифных соглашений и в связи с гарантиями интеграции в социальное государство вместо репрессивных механизмов промышленной рабочей армии. Если нынешний тип накопления во второй раз в этом столетии должен будет превратиться в депрессию, угрожающую существованию капитала (как в конце 20-х - начале 30-х гг., - прим. перевод.), то глобально формирующийся класс капиталистов, возможно, вновь допустит неокейнсианское регулирование, на сей раз даже в международном масштабе. В нынешнем цикле преобладают, наконец, преувеличенная мобилизация рынков денег, капиталов, земли и товаров при одновременном уменьшении товарного и наемного характера трудовых отношений и их десиндикализации (72). При этом состояние негарантированной недозанятости в «открытом цеху» (т.е. без профсоюзов, - прим. перевод.) имеет тенденцию превратиться в характерный тип трудовых отношений. Одновременно комбинируются друг с другом различные формы труда с тем, чтобы сломить сохраняющуюся неподатливость пролетариата на рынках труда и внутри процесса создания стоимости. Выражая во все периоды накопления принципиально лабильное классовое отношение, капитализм является, таким образом, в принципе открытой системой эксплуатации, в которой постоянными величинами являются только частная собственность на средства производства и ориентированное на прибыль создание капитальной стоимости. (Во избежание все еще широко распространенного недопонимания: и при капитализме, осуществляющем огосударствленное накопление, средства производства все еще являются частной собственностью. Как единственный сохранившийся частный собственник, государство действует как колоссальный концерн, то есть как выросший до гигантских масштабов отдельный капитал).

Если этот вывод о «контингентной» переменчивости капитализма в зависимости от конкретных реальных классовых отношений верен, то нам следует, наконец, отказаться и от приписываемой Марксом капиталу «исторической миссии», в соответствии с которой индустриальный прогресс в результате роста производительности труда и централизации капитала почти естественным образом порождает отрицание лишь обволакивающих их отношений господства. Согласно раннему и позднему Марксу (то есть автору «Коммунистического манифеста» и «Капитала», но не опубликованных только в 30-е гг. этого столетия «Набросков», на которые не случайно ссылались с тех пор все теоретики и активисты, стремившиеся освободиться от этого детерминизма) (73), исторические тенденции капиталистического накопления состоят в том, чтобы экспроприровать владеющих собственными средствами производства крестьян и ремесленников, с помощью уничтожения общественной формации, определявшейся этим архаическим типом самостоятельно хозяйствующего работника, ликвидировать распыление производства и обобществить сам способ производства на основе кооперации и разделения труда. Это происходит якобы за счет того, что предприниматели как бессознательные агенты индустриального прогресса в конкуренции истребят друг друга и в процессе централизации капиталов будут все дальше продвигать кооперативную форму процесса труда. В то время как самостоятельные непосредственные производители окончательно гибнут и исчезают как реакционный осадок прогресса, формируется постоянно растущий рабочий класс крупной промышленности, который обучается, объединяется и организуется механизмами самого капиталистического процесса производства. Наконец, близится момент, когда централизация средств производства и обобществление труда перерастут образованный ими способ производства. Рабочие, в массовом порядке ассоциированные им, могут теперь завершить заданный им обобществленным способом производства процесс объективно-революционного объединения, разбить оковы устаревшей капиталистической экономики и превратить основанную фактически уже на

принципах общественного производства капиталистическую собственность в общественную собственность. Эту исходящую из крупных фабрик - как первых социалистических островков в море капиталистической анархии - экспроприацию экспроприаторов можно представить как сравнительно беспроблемный акт по сравнению с предшествовавшей капиталистической экспроприацией самостоятельно хозяйствовавших народных масс. Он совершится за самый короткий срок, поскольку в самих методах производства ничего менять не придется. Трансформация капиталистической экономики остается у Маркса, таким образом, в основном ограниченной ликвидацией частной собственности на средства производства и ведет на оставшейся неизменной производственной основе к обобществленному способу производства свободно ассоциированных личностей... (74)

Если мы сопоставим эту синкретическую утопию социальной революции и индустриального прогресса (в дополнении к сформулированной выше критике в адрес ее детерминистской замкнутости) с реальными классовыми отношениями современности, то станет окончательно ясно, что мы имеем дело скорее с отягощенным долгами наследством, чем с наследием. Мы должны сказать об этом открыто именно потому, что речь идет о сохранении и критико-эмпирическом дальнейшем развитии методического ядра марксовой критики политической экономики, которое, в отличие от выведенного из нее исторического прогноза, несомненно остается актуальным (75). В столкновении с эксплуататорскими отношениями нынешнего режима накопления совершенно очевидно, в чем состоят имманентные методические слабости марксовой программы преобразования общества. Маркс превратил рабочий класс, образуемый, в соответствии с его собственными посылками, в принципе лишь как не-стоимость, вне функции переменного капитала, в исключительно внутреннюю функциональную составную часть накопления капитала и при этом даже не обсудил роль «остающейся вовне» промышленной резервной армии - вероятно, поскольку надеялся, что в течение 10-20 лет «активная рабочая армия» пролетариата освободится от капиталистического процесса образования стоимости, неверно сводимого к либеральному рыночному хозяйству, и будет вознаграждена за тяготы своей покорности богатыми материальными компенсациями. (Насколько я знаю, Маркс лишь один-единственный раз обсуждал возможность того, что «активная рабочая армия» может соединиться с частично занятыми и безработными секторами пролетариата и совместными действиями заблокировать процесс капиталистического накопления. Но таким образом он лишь полемизировал со своими современными рыночно-либеральными противниками. В ключевом пассаже из 1-го тома «Капитала» - 24 главе, «Исторические тенденции капиталистического накопления», который сыграл главную роль в разработке стратегии социалистического рабочего движения, об этом уже не говорится ни слова). Но этого не произошло до сих пор. Капитал не развился в своей денежной и стоимостно-образующей формах так, как это предсказывал Маркс, а вытекающий как бы сам собой из нутра капиталистической оболочки процесс образования революционной рабочей организации отнюдь не следовал его предвидению.

В настоящее время кажется даже, будто все актеры классовых конфликтов сознательно действуют вопреки этому «сценарию». Вместо того чтобы завершить свою «объективно прогрессивную» ассоциацию в крупной промышленности и перейти к взятию в свои руки производственных объектов транснациональных концернов, рабочий класс все больше и особенно с 60-х - 70-х гг. уклонялся от чередования реальной интеграции и функции переменного капитала, поскольку внутри капиталистического процесса производства и на рынке труда у него не остается сферы для самоопределяемых процессов коммуникации, действий и организации. Вместо этого он подвергается все большей атомизации в политике зарплаты, организации труда, технологически и с помощью механизмов социальной интеграции и контроля. Капиталисты даже в определенной степени опережают их и пытаются присвоить дремлющий в их коллективной рабочей силе потенциал создания стоимости с помощью все более децентрализованной организации производства и с помощью условий труда и воспроизводства, имеющих менее наемный характер и все меньше гарантированных социальным государством. Но тем самым сокращаются именно те сектора рабочего класса крупной промышленности с длительной занятостью, которые, по Марксу, по причине своей массово-кооперированной и дисциплинированной ассоциации в непосредственном процессе производства представляют собой единственный решающий пункт социалистического переворота. Это происходит за счет увеличения числа негарантированно занятых на новых сетевых предприятиях, в «потовыжималках» и в сфере коммуникации. Трудовые отношения на основе неполной занятости или вообще «летучие», и промышленная резервная армия, которая по непонятным причинам вообще была исключена Марксом из прогноза преобразования общества, в тенденции становятся преобладающими, и даже объявленные умершими и

отправленными на свалку социальной и экономической истории «самостоятельные работники» снова возвращаются по всему миру в новом обличье... Коммунистическо-продуктивистский симбиоз прогресса крупной индустрии и централизованного рабочего класса крупной промышленности лишается теперь последних материальных и духовных оснований.

Эти нынешние феномены должны облегчить нам раздумья над тем, почему стратегия революции, выведенная Марксом из анализа развивающегося британского капитализма, потерпела неудачу как в глобально-исторической перспективе, так и с концептуальной точки зрения. Маркс не только наметил для социалистического переворота тот, до сих пор не наступивший момент, когда рабочий класс, централизованный крупной промышленностью, станет со своей «пролетарской дисциплиной» преобладающим в классовой структуре в промышленности и в сельском хозяйстве во всем мире, но и догматически связал его организационно-политическую динамику с «объективной прогрессивностью» непосредственных производственных отношений в крупной промышленности. Пока квалифицированные рабочие-ремесленники, пусть и проиграв ожесточенные оборонительные бои на первой фазе индустриализации, еще до рубежа столетий действительно в значительной мере держали в своих руках кооперирование труда на фабрике и могли навязать связанное с этим усвоение режима рабочего времени другим категориям коллектива, модель коллективного присвоения в зародыше уже «социалистического» способа производства для этого второго периода накопления, несомненно, была чуть более реалистичной (хотя крайне репрессивная роль вытекавших отсюда дисциплинирующих норм поведения сильно ограничивала ее освободительный потенциал). Но процесс концентрации промышленности к этому времени далеко еще отстоял от выдвинутых Марксом критериев - «критической массы» и всеобщего распространения (особенно в сельском хозяйстве). Поэтому тип выплавленного на промышленных крупных предприятиях производственно-сознательного рабочего-ремесленника, несмотря на свою большую организационную мощь, так никогда и не стал преобладающим по отношению ко всему пролетариату или мелким производителям этой фазы накопления, борющимся за свою самостоятельность.

Однако эти продуктивистские предпосылки предложенной схемы трансформации общества вообще совершенно отпали как раз в тот момент, когда на рубеже столетий действительно широко утвердились централизация капитала и крупное промышленное производство, поскольку теперь и прежний руководящий слой пролетариата был с помощью развернувшейся тейлористской «научной» организации производства лишен своих кооперативно-ассоциированных производственных знаний и прежней силы. В классовой структуре стали теперь преобладать полуквалифицированные и неквалифицированные машинные пролетарии; из крестьян-рабочих и иммигрантов в борьбе сформировался массовый рабочий. Однако, изначально ему была чужда всякая внутренняя связь с деспотически реорганизованной производственной структурой. Он подрывал усиленную Тейлором и Фордом «пролетарскую дисциплину» любым мыслимым способом. С упадком «продуктивистской» классовой структуры отпала и марксистская версия экспроприации экспроприаторов, поскольку массовые рабочие хотели уже не взять в свои руки крупные фабрики, включая их сельскохозяйственные разновидности, и без изменений продолжать их работу, а в борьбе за большую зарплату и меньшее количество труда *разрушить их*, а их остатки после победоносной всеобщей стачки - присвоить коллективно, обратившись к коммунитарным формам ассоциации (76).

Вследствие этого требовавшееся как аксиома совпадение обеих решающих предпосылок стратегии трансформации общества не состоялось в реальной истории. Вместо этого, марксова модель социализации в крупной промышленности была решающим образом опровергнута рабочими выступлениями как раз на той фазе, когда в развитых капиталистических странах утвердился цикл тейлористско-фордистского массового производства, начавший также влиять на догоняющую индустриализацию в тогдашних пороговых странах. Надежды на коммунистическое присвоение в «пролетарской дисциплине» сменились, как и на ранней стадии индустриализации, диким «посткоммунистическим» или «докоммунистическим» сопротивлением против условий труда, даже атакой на фабрику как таковую. Тем самым, противоречие между рабочими и капиталом стало до такой степени тотальным, что марксистско-коммунистические представления о хороших, подлежащих дальнейшему развитию в коллективных формах (производственные объекты и организация труда) и плохих, подлежащих устранению (диспропорциональное и кризисное развитие производства по причине частного присвоения продуктов труда) сторонах капитализма стало абсурдным. Его можно было бы погасить только путем предоставления рабочим семьям компенсаций в доходах и гарантий социального обеспечения, которые позволяли им участвовать в качестве потребителей в результатах крайне отчужденного и милитаристским образом структурированного массового

производства. Эта модель интеграции была подорвана бунтами 60-х - 70-х гг. Поэтому всего лишь логично, что в нынешнем цикле поставлены под вопрос обе решающие предпосылки фордистско-кейнсианского регулирования: тот, кто изымает рабочий класс из «революции доходов», должен одновременно на уровне производства искать такие методы реструктуризации, которые смогли бы - с учетом окончательного упадка марксистско-социал-демократического продуктивизма - воспрепятствовать продолжению или даже возрождению массовых революционно-синдикалистских (77) выступлений против крупной фабрики.

С помощью обращения к марксовой модели трансформации в любом виде столь же невозможно охватить эти новые процессы, как это было невозможно и в предшествующем цикле, когда организации массовых рабочих в начале («Индустриальные рабочие мира» и революционный синдикализм) и в конце (операизм) его также активно теоретизировали о своем отходе от индустриалистских прогрессистских утопий марксизма) (78). Но эта революционная критика марксизма была забыта так же, как и наследие российских социал-революционеров, которые развивали стратегию, ориентированную на потребности масс тогдашней пороговой страны и вместе с сельскими общинами и крестьянами-рабочими проиграли тейлористско-крупноиндустриальной и аграрно-капиталистической модели развития большевиков. Напротив, стратегия традиционной интеллектуально-марксистской линии (установление «демократическо-централистской» гегемонии в рабочих выступлениях, исходя из социально-дисциплинирующих структур крупной фабрики как уже заданной «социалистической» стороны образования капитала, и доведение их до «диктатуры пролетариата») вновь и вновь повторялась вплоть до самого недавнего времени. Она оказалась тяжелой ошибкой в расчетах - в том числе и в своих социал-реформистских, кейнсианских вариантах, опирающихся на единые профсоюзы. Только с гибелью «реального социализма» и неолиберальной инволюцией западного реформистского социализма трансформационная логика марксизма, доведенная до вульгарности интеллектуальной идеологией господства, окончательно отошла в историю. Но только в том случае, если не отбрасывать ее, а критически переработать вместе с остатками ранних социально-революционных альтернативных стратегий, действительно откроется дорога для насущной дискуссии о том, как из анализа нынешних переломов в глобальной структуре класса и изменяющимися вместе с ней потребностями пролетарских масс могут быть выведены новые концепции самоорганизации, антагонистической по отношению к капиталу.

За социализм как открытую систему

В конце концов, остается задача повернуть в позитивную сторону высказанные до сих пор размышления о взаимосвязи между реорганизуемым режимом накопления, изменившейся структурой класса, нынешним опытом сопротивления и новой социальной субъектностью, с учетом критики преобладавших до сих пор марксистских моделей трансформации общества. Я постараюсь быть кратким. Ведь речь идет не о представлении более или менее продуманного теоретического здания, а о том, чтобы показать тенденции, которые выводятся исключительно из эмпирического отрицания радикализованных отношений эксплуатации и из формулируемых в противовес им массовым потребностям. Иными словами, они могут быть определены только в конкретном общественном действии и поэтому подлежат постоянным изменениям и исправлениям. При продумывании общих контуров модели социально-революционной трансформации нельзя ни обнаружить, ни использовать в политико-организационном отношении какую-либо выходящую за эти рамки «историческую миссию» или какие-либо «закономерности».

Капитализм сохраняет такую жизнеспособность только за счет того, что, в отличие от прежних общественных формаций и своего погибшего «реально-социалистического» варианта, он до сих пор является открытым способом производства. Поэтому он может быть преодолен также только в том случае, если формы сопротивления и фантазии эксплуатируемых будут спроецированы на не менее открытую посткапиталистическую и пост-«реально-социалистическую» альтернативу. Целью является, следовательно, ***социализм как открытый способ производства, который характеризуется общественной собственностью на средства производства и производством, направленным исключительно на удовлетворение общественных потребностей, выявляемых базисно-демократическим путем (79)***. Производство ради производства в этих условиях должно прекратить свое существование. Трудящиеся классы больше не будут придатком способа производства, этот последний подчинится приоритету развития социальной субъективности и социального равенства. Прогресс, следовательно, пойдет уже не в сфере производства и не на различных рынках, а только в общественных отношениях между людьми, и результаты описанных изменений лишь при последующих шагах снова опосредуются в структуры материального воспроизводства социального процесса эгалитаризации. Вокруг этого неизменного ядра социалистической общественной формации, к которой следует стремиться, сконцентрируются различные возможности вариаций и стадии развития общественного присвоения и индивидуальной собственности.

Но как должен конкретно происходить процесс трансформации? Я убежден в том, что принципиально открытая структура социалистической цели уже кое-что говорит и о ведущих к ней путях и средствах. Этот взгляд имеет большое значение. Во-первых, он делает возможным и мыслимым атаковать реорганизуемый режим накопления именно там, где он больше всего «открылся» за последние 20 лет, чтобы эксплуатировать изменившиеся потребности общественной жизни. Если различные рыночные формы «дьявольской мельницы» дерегулируемого капитализма, включая многосторонние опосредования, все больше будут выводиться из строя, то в конечном счете станет возможным и преодоление самой неизменной динамики производства прибыли. Об этом решающем аспекте стратегической конфронтации с нынешним циклом накопления я еще скажу подробнее позже.

Во-вторых, это понимание позволяет отказаться от более или менее безнадежного «поздне»-операистского поиска каких-то особых «авангардных» фракций классового субъекта и направить взор на потенциал социально-революционных процессов во всем их многообразии. Подводя итог своему анализу, я говорил о том, что в глобальных процессах экспроприации и пролетаризации новый классовый субъект начинает гомогенизироваться структурно, социально-экономически и территориально. Если эта оценка верна, то внутри этого гомогенизирующегося разнообразия современных промышленных рабочих, негарантированно занятых, безработных, «самостоятельных рабочих», поденщиков и безземельных больше не может быть «привилегированной фракции» и задача может состоять только в том, чтобы в борьбе против дерегулированной системы эксплуатации свести воедино все сектора нового пролетарского архипелага, начиная соответственно с наиболее готовых к сопротивлению и «строптивных» слоев. В этой открытой структуре классового антагонизма могут, таким образом, найти место все те, кто вынужден отдавать свою рабочую и жизненную силу, чтобы жить, причем независимо от того, получают ли они зарплату, вознаграждение на основе подряда, предоставляются в распоряжение рынков рабочей силы, принуждаются к неоплачиваемому труду, патриархально поработаются в «семьях» «неформального» сектора или

эксплуатируются в качестве мелких арендаторов. Одновременно мы смогли бы избежать соблазна - делать одностороннюю ставку на особенно мобильные по своему поведению группы пролетариата, например, на итальянских «самостоятельных рабочих» второго поколения, которые, с одной стороны, подвергаются постоянному интересу со стороны мелко-капиталистических носителей прогресса (Северной Лиги) (80), а с другой, слишком поспешно исключаются традиционными левыми из перспективы социального освобождения, соответствующей новым классовым отношениям. (Ср. критический промежуточный итог в статье Примо Морони «Каждый сам себе предприниматель. Итальянская Лига как продукт реструктурирования рабочего класса». Если Морони прав, то по крайней мере частичная интеграция «самостоятельных рабочих», зачастую выходцев из воинствующих левых, в северо-итальянскую Лигу может служить азбучным примером упущенных политических возможностей. Ложные аналитические послышки в отношении их могут быть, конечно, задним числом исправлены, но с результатами более чем 10-летнего процесса ориентации этого сделать нельзя. Серджио Болонья, который тщетно боролся против доминировавших предрассудков левых (81), остался одиноким гласом в пустыне. Так в случае Италии был упущен шанс, который так быстро не возвращается. Тем важнее поэтому заниматься еще открытыми глобальными тенденциями развития «самостоятельных рабочих»). Нам следовало бы вместо этого научиться противопоставлять флексибилизируемой эксплуататорской стратегии капитала по меньшей мере столь же гибкую и охватывающую все сегменты класса модель освобождения в точно определенных рамках процесса гомогенизации пролетариата.

Из этих соображений, в-третьих, вытекает, что социально-революционная деятельность в пользу обобщения антагонистических потребностей масс в каждом месте коммуникативно-освободительного действия будет наталкиваться на специфическую ситуацию, но в принципе оно возможно и целесообразно в каждой точке эксплуатации, поскольку оно может быть передано непосредственно во все остальные точки сопротивления мировой системы. Ведь нынешний тип накопления действует повсюду и, несмотря на заданные соответствующим уровнем развития особенности структур эксплуатации, стратегически определяется взаимоотношением обладателей международных финансовых состояний и транснациональных предприятий. Поэтому он может быть атакован и разрушен лишь в процессе создания глобальной сети всех местных инициатив сопротивления. Точно так же, как больше нет «привилегированной фракции класса», так же неверно было бы стремиться к тому, чтобы обобщать определенные географическо-территориальные особенности классового противоречия в том смысле, чтобы они задавали будущие структуры и перспективы. Было бы также непродуктивно, к примеру, делать ставку только на общинный аграрный социализм массовой бедности на периферии или, наоборот, объявлять о приоритете классовой борьбы в крупной промышленности, ссылаясь на бунтующие рабочие группы «гибкого производства», или же ожидать спасения только от революционно-синдикалистской перспективы борьбы негарантированно занятых в международных транспортных сетях. Необходим соответствующий характеру самого современного капитализма «открытый» синтез территориально различных форм коммуникации и борьбы, чтобы бросить вызов глобально дерегулируемому капитализму в равной мере во всех его географически взаимосвязанных стадиях развития и формах эксплуатации - на периферии, в пороговых странах, в восточно-европейских зонах депрессии, в метрополиях.

Неизбежно возникающая из этого разновременность в одновременности требует, в-четвертых, нового определения интернационализма. Речь идет не об оживлении гегемонистского «интернационализма» наиболее «развитых» рабочих движений прежних коммунистического или социалистического Интернационалов. Однако и прежний морализаторский лоббизм в метрополиях в пользу «национально-освободительных» движений на периферии устарел. На повестке дня стоит реактивизация открытого и взаимного интернационализма новых социальных движений, но при том решающем условии, что он снова обратит первоочередное внимание на «рабочий вопрос» как на старейшую и наиболее почетную матрицу всех прежних «социальных движений». Было бы гигантским прогрессом в этом направлении, если бы удалось увязать прежние фрагментарные и случайные попытки интернационального обмена информацией - такие, как Координация испано-говорящих портовых рабочих, американский центр им. Фернана Броделя, западногерманская инициатива «Уайлдкэт», международный бюллетень филиппинского «движения 1 мая» KMU, южноафриканскую группу международного исследования труда и информации, японский Центр тихоокеанских и азиатских ресурсов PARC, выжившие в Северной Италии и во Франции остатки операизма, Институт социальных исследований в Гааге и т.д. - и таким образом оказать

поддержку формированию жизненного нового пролетарского интернационализма против глобально формирующегося господствующего класса (82).

От внимательного читателя не укроется, что я попытался уточнить мои сформулированные в июне 1993 г. предложения о создании «пролетарских кружков» в том, что касается интернационалистских компонентов. Я действительно считаю, что должна быть создана международная ассоциация для того, чтобы углубить во всех отношениях анализ нового мирового порядка, исследовать тенденции изменения и гомогенизации глобальной структуры класса, фиксировать новые конфликты и делать эмпирические оценки относительно структуры потребностей нового классового субъекта. Эта инициатива должна на равных состоять из пролетарских активистов и таких интеллектуалов, которые уклоняются от взглядов, господствующих среди социологов и экономистов, интегрированных в «фабрики мысли» капитализма. С этим не должны быть связаны какие-либо традиционные политико-организационные функции. Новой международной ассоциации следовало бы сконцентрироваться на информационном обмене, на координации милитантных самоисследованиях и на конкретной поддержке возникающих конфликтов. Она должна быть устроена базисно-демократически и децентрализовано по своей структуре. Когда тенденции к пролетарской «контр-власти» консолидируются по всему миру, она в конечном счете снова растворится в них.

Однако и на основе конфликтов и форм конституирования субъекта за последние два десятилетия можно сделать предварительные заключения относительно упомянутых местных точек конфронтации. Если мой анализ верен в том, что капитализм нового мирового порядка эксплуатирует рабочую и жизненную силу в тенденции гомогенизирующегося пролетариата прежде всего с помощью повсеместного использования работающих на него рыночных «дьявольских мельниц», то первые шаги на пути самоорганизованного освобождения должны исходить именно отсюда.

1). По всему миру безземельные, мелкие арендаторы, сквоттеры, захватчики домов, бездомные и квартирносъемщики борются против прогрессирующей приватизации и связанной с этим либерализацией рынков земли. Их сопротивление против приносящей проценты коммерциализации земли, парцелл, жилья и городских кварталов развивается в различных формах. Независимо от этого, все решительнее разворачивается защита реальных сфер жизни против аграрно-капиталистических разрушений и спекулятивного увеличения земельной ренты. На периферии, в аграрно-капиталистических зонах полупериферии и в восточно-европейских областях депрессии те, кто обрабатывают землю, стремятся получить ее обратно в общинную собственность, борясь за аграрную реформу без всяких компенсаций. И в городских агломерациях встает вопрос о сопротивлении против дальнейшего выселения людей, против санации со спекулятивными целями и повышения ренты с обрабатываемой земли вокруг жилых построек; это сопротивление служит решающей предпосылкой любого социально выраженного индивидуального или семейного присвоения. Социальное присвоение и общинное самоуправление землей - это простейший ответ на рыночную коммерциализацию первичных и вторичных природных ресурсов общественного богатства, радикально проводимую во всем мире финансовым и спекулятивным капиталом.

2). Следующий центр тяжести нового капиталистического порядка образует дерегулирование рынков труда. Мы показали, насколько сильно при этом капиталистическая стратегия индивидуализации и флексибилизации трудовых отношений перекрещивается с субъективными потребностями масс в суверенном распоряжении своим рабочим и свободным временем и в ограничении по собственному усмотрению сроков отчуждения рабочей и жизненной силы. Мы продемонстрировали также, что результатом стали негарантированные и незащищенные трудовые отношения, которые утверждаются по сему миру как типичная форма эксплуатации. Если мы будем при этом исходить из обоснованности притязания пролетариев на принципиально свободный выбор между как можно более «беглым» подчинением процессу создания стоимости и как можно большей долей самоопределяемой деятельности, то никак не сможем выдвигать требование ввести вновь пожизненно гарантированные и закрепленные в тарифном соглашении трудовые отношения. Гораздо ближе нам в этом смысле воспоминание о боевых «внетарифных ситуациях», которые, к примеру, создавались «Индустриальными рабочими мира»: как можно большая зарплата за как можно меньшее количество работы при как можно более коротком рабочем времени. Если сам капитал делает трудовые отношения все более «беглыми» и дерегулированными, то ему повсюду следует противопоставить укорененный в общине «синдикализм социального движения» негарантированно и неполностью занятых и безработных с целью добиться равной оплаты за равный труд, которая не должна

опускаться ниже определенной минимальной границы ни в одной из точек децентрализованной сети производства прибавочной стоимости.

3). Дерегулирование и интернационализация рынков труда коренным образом изменили и трудовые отношения в капиталистическом процессе производства и воспроизводства. На индустриальных сетевых предприятиях, на «белых фабриках» услуг и в секторе транспорта работники подвергаются перемежающимся угрозам увольнения на предприятиях, растущему растворению прежних структур их коммуникации и действий, а также воздействию перенесенных вовнутрь механизмов конкуренции группового труда. Они могут утвердить себя вопреки всему этому и вопреки сопутствующему увеличению производительности труда только если освободятся от объятий желтых профсоюзов компаний и обратившихся к неолиберализму структур профсоюзного «обмена уступками». Возникнут новые низовые структуры, стремящиеся добиться для каждого места размещения производства в сетевом предприятии принципа «равная плата за равный труд», одинаковых сокращений рабочего времени и условий труда, способствующих развитию общения. Параллельно с этим образуются секторальные ассоциации автономных низовых комитетов, которые и на этом интернациональном уровне будут устранять механизмы раскола класса и разрушать цепочки производства прибавочной стоимости. Уже на первой фазе своего возникновения эти низовые комитеты дерегулированной сферы производства и транспорта, с одной стороны, свяжутся с местным «синдикализмом социального движения», а с другой, станут развивать революционно-синдикалистскую интернационализацию конфликтов. В них найдут свое место и стратегические размышления о том, как можно трансформировать центральные индустриальные структуры нынешнего накопления капитала в инструменты эгалитарно-ассоциированного способа производства, преобразовать их в соответствии с общественно-экологическими критериями во всех их частях, вплоть до готовой продукции, и обобществить их в целом.

4). В связи с атаками на рынки земли и рабочей силы, а также производственные объекты режима накопления возникнут новые структуры территориальной (общинной) самоорганизации с целью (вновь) присвоить сохранившиеся или все более сокращаемые гарантии социального воспроизводства. Речь при этом пойдет не об утверждении или восстановлении интеграционных механизмов социального государства. В ходе уже 100-летнего процесса становления социального государства пролетариат был оторван от своей культуры, своих образовательных учреждений и самоопределяемых институтов гарантии от жизненного риска (безработицы, болезней, инвалидности, старости) **(83)**. Если дерегулируемый капитал ведет теперь на смену этой первой институциональной экспроприации основ воспроизводства «окончательное» монетаристское разграбление, было бы весьма близоруким стремиться в противовес этому просто к восстановлению унизирующих общество систем социально-политического трансферта или же ограничиться политикой широковещательных петиций с требованием «денег, достаточных для существования». Вместо этого на повестку дня встает эгалитарное присвоение (возвращение) основ воспроизводства для женщин, мужчин, детей, молодежи, стариков и беженцев. Общинные базисные комитеты вернут себе, отобрав у рантье и обладателей финансовых состояний, материальные предпосылки для того, чтобы предпринять собственные меры по восстановлению культуры, образования и инфраструктуры и для обеспечения основ воспроизводства пролетарских семей. С помощью этих ресурсов они превратят руины трансфертных систем социального государства в базисно-демократическо-общинные системы распределения. Эта экспроприация рантье и тех, кто стрижет купоны, лишит экономической основы самую реакционную в настоящее время фракцию режима накопления, которая на протяжении двух последних десятилетий обогащалась за счет процентов с задолженности общественных бюджетов и одновременно разрушала условия воспроизводства прежнего социального статус-кво. Только в ФРГ до конца 90-х гг. будут переданы в наследство состояния общим размером в 2 триллиона немецких марок. Социальная реэкспроприация этого накопленного общественного богатства приняла бы огромные масштабы. Она должна поэтому пониматься не столько в духе гигантского расширения «бунтов против МВФ», сколько быть продумана как повернутое на 180 градусов гигантское практическое использование разработанных спекулятивными финансовыми кругами бесшумно-«абстрактных» процедур экспроприации, обращенных против них самих. Включение экспроприации рынков денег и состояний в программу процесса экспроприации экспроприаторов служит наряду с социализацией земли и пролетарской конверсией структур производства решающей предпосылкой для того, чтобы переход к социализму осуществлялся не во власном рубище массового обнищания, но приобрел перспективу социального равенства в благосостоянии и самоопределяемой общественной деятельности. Одновременно в распоряжении окажутся

богатейшие средства для глобального выравнивания гигантски возросших диспропорций в доходах внутри пролетариата.

Самое позднее здесь встает вопрос о взаимосвязи между общественной трансформацией и политической «контр-властью». Не требуется большой фантазии, чтобы представить себе, какими методами стратегии бегства капиталов и политических репрессий будут реагировать господствующие элиты предпринимателей и рантье вместе с их национально-наднационально-государственными помощниками-исполнителями на стратегически-ассоциированное расширение нынешних массовых выступлений. Но именно поэтому проблема политической консолидации социально-революционных базисных структур требует не традиционного подхода, к примеру, такого, как придания возникающим общинным и аграрным базисным комитетам и базисным комитетам на производстве параллельных политико-институциональных структур. Консолидирующаяся в политико-экономическом отношении перспектива трансформации общества может иметь шанс лишь в том случае, если социальные и политические инструменты самоуправления прямой пролетарской демократии на всех стадиях развития вплоть до переворота и после него будут неразрывно взаимосвязаны. Кроме того, не следует игнорировать опасности того, что при разрыве социально-революционной экономики и политики в последнюю минуту будут реставрированы печально-известные из истории рабочего движения бюрократические отношения господства между «политически мыслящим пролетариатом» (интеллектуалами) и якобы просто борющимися за свое социальное выживание «тред-юнионистскими» реальными пролетариями. Разделение труда между освободительной «экономикой» и «политикой», какой бы освободительной ни считалась эта последняя, совершенно не нужна и в особо критических ситуациях перехода от разрушения «дьявольских мельниц» неолиберализма к окончательной трансформации ориентированного на прибыль накопления капитала в эгалитарный способ производства. Достаточно будет, чтобы земельные и жилые комитеты, «синдикализм социального движения», фабричные комитеты и общинные социальные комитеты базисно-демократическим путем соединились в местные институты «контр-власти» и придали также политическое выражение ассоциированному в них потенциалу социального самоопределения.

При этом не имеет принципиального значения, идет ли речь о создании «коммун» или «советов» на сельском, квартальном, агломерационном или региональном уровне. Независимо от структуры, заданной соответствующими социально-экономическими условиями, решающим на этом уровне служит синтез социальной и политической «контр-власти». И в отношении исторических аналогий мы должны быть осторожными. Верно, конечно, что «советы», «consigli», «conseils», рабоче-крестьянские «Raete» были до сих пор исторически единственными институтами, в которых пролетариат обнаружил самоорганизованный и базисно-демократический инструмент политико-экономической «контр-власти», особенно в конце Первой мировой войны (84). Но эти начала были очень быстро превращены в политический инструмент сил, внешних по отношению к классу, или парализованы и одновременно пережили внутренний процесс трансформации, в ходе которого наиболее активные и «новые» пролетарские течения (восставшие матросы-рабочие, крестьяне-рабочие, молодежь и женщины) были быстро маргинализированы. В конце концов, на фазе упадка утвердилось распространившееся вплоть до левых коммунистов сближение с тейлористскими надеждами на эффективность, что совершенно разрушило движение Советов изнутри.

В противовес этому следует по-прежнему добиваться того, чтобы весь вышедший с рынков дерегулируемого капитализма пролетарский архипелаг самостоятельно ассоциировался и столь же самодеятельно политически объединился в борьбе. Если это удастся, то мы сможем не только утвердить, несмотря на сильное сопротивление, первые местные эксперименты пролетарской «контр-власти», но и придать им чрезвычайную привлекательность как альтернативе радикализованному циклу накопления, способствовать их распространению по континентам в виде «пятен». Рука об руку с этим должна идти глобальная реорганизация революционного синдикализма прежде всего рабочих транспорта и средств коммуникации с тем, чтобы связать друг с другом местные преобразования, маргинализировать накопление капитала вместе с его органами власти, собрать утекающие денежные состояния и сделать необратимым глобальный переход к эгалитарному способу производства и воспроизводства общественных индивидов.

Не слишком ли оптимистичен такой взгляд в момент, когда левые, очевидно, необратимо парализованы? Можно ли вообще думать о чем-то подобном в ситуации, когда торжествует режим накопления, разрушающий целые общества, создающий авторитарные системы политического господства, засыпающий социальные конфликты эрзац-реальностью капитализма СМИ, вновь обращающийся к расизму как рычагу раскола класса и стремящийся в

среднесрочной перспективе окончательно погубить труд и природу как самые элементарные источники общественного богатства в погоне за стабилизацией ориентированного на получение прибыли производства капитала? Несмотря на все оговорки и скепсис, я испытываю осторожный оптимизм. Если активисты нынешних глобальных низовых конфликтов обретут стратегическое мышление и исторически осознанную дееспособность, то они еще преподнесут много сюрпризов.